

САЛТИ МАККЕНЗИ

Любови вопреки

ШАРМ

Салли Маккензи
Любви вопреки
Серия «Spinster House», книга 1
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43445516

С. Маккензи. Любви вопреки: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112394-9

Аннотация

Скромную начинающую писательницу Изабеллу Кэтрин Хаттинг и блестящего Маркуса, герцога Харта, объединяло одно – оба они не имели ни малейшего желания вступать в брак. Но если Кэт просто надеялась посвятить себя литературе, то над Маркусом довлело страшное семейное проклятие, обрекавшее каждого женившегося герцога из рода Харт на гибель незадолго до рождения его наследника.

К тому же несчастный аристократ имел все основания быть уверенным, что это проклятие – не выдумка, а реальность...

Такое знакомство, казалось, не сулило ничего хорошего. Но разве истинная любовь не способна творить настоящие чудеса?

Содержание

Посвящение	5
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	52
Глава 4	78
Глава 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Салли Маккензи

Любви вопреки

Sally MacKenzie

What to do With a Duke

© Sally MacKenzie, 2015

© Перевод. Я. Е. Царькова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящение

Поппи, трехцветной кошке с характером, с которой я познакомилась в отеле «Белый олень» в живописном городке Мортонемпстеде, бывшем некогда поместьем Дартмур в графстве Девон, во время путешествия по Англии в 2013 году, а также служащим вышеупомянутого отеля, сделавшим мое пребывание в нем весьма приятным.

Кевину, быстро решавшему все вопросы, связанные с нашим перемещением по Британии с ее левосторонним движением, включая заказы такси и покупку билетов на поезда и автобусы.

Особая благодарность Еве Сильвер за то, что помогла нам найти Лавсбридж.

Глава 1

Лавсбридж

1 апреля 1617 года. Я видела герцога Харта в гостинице «Купидон». Какой же он красавец! Моя подруга Розалина говорит, что его мамаша своего сыночка никогда близко не подпустит к девушке вроде меня, но у меня на это свое мнение. Я твердо намерена стать следующей герцогиней Харт.

Из дневника Изабеллы Дорринг

Лондон, май 1817 года

– Вы скомпрометировали мою дочь, Харт! Я требую, чтобы вы сделали ей предложение. – Барнабас Ратбоун возмущенно сопел, задрав скошенный подбородок. – Прямо сейчас.

В переполненном читальном зале клуба «Уайтс» внезапно стало очень тихо. Разговоры прервались на полуслове, словно присутствующие одновременно затаили дыхание. Маркусу было понятно всеобщее желание услышать каждое слово участников драмы. Такое везение выпадает не часто. Кое-кто даже не постеснялся подглядывать за происходящим, прикрывшись для приличия газетой.

Маркусу было безразлично, что о нем думают.

– Нет.

Рачьи глаза Ратбоуна едва не выкатились из орбит, а мя-

систые щеки задрожали.

– Как вас понимать? – Ратбоун изображал оскорбленную невинность еще талантливее, чем его бессовестная дочь.

– Нет, я не женюсь на мисс Ратбоун.

На мгновение у бедняги отвисла челюсть, но он быстро взял себя в руки и грозно насупился. Однако не настолько быстро, чтобы Маркус не успел заметить страх в глазах своего визави. Ратбоун был в долгах, и Маркус подозревал, что тот сдерживает натиск кредиторов, уверяя их, будто скоро станет отцом герцогини. Глупец! Неужели он действительно считает себя первым, кто пытался повернуть подобный фокус с герцогом Хартом? Как будто прозвище герцога Харта – Герцог без сердца – ничего ему не говорило.

Впрочем, было у герцога Харта и иное прозвище – Проклятый герцог, с ударением на первый слог, и это многое объясняло.

– Как можно быть таким жестоким? – не унимался Ратбоун. – Девушка сама не своя от горя.

Маркус молчал, буравя его взглядом. Увы, ему не понаслышке пришлось изведать вероломство так называемого высшего общества. Маркус был слишком лакомым куском, чтобы не попытаться заполучить его. Проклятие его рода состояло в том, что если женщине удастся женить герцога на себе, она зачнет наследника в первую брачную ночь, а через девять месяцев будет уже богатой вдовой.

Черта с два он согласится умереть, чтобы осчастливить

Ратбоунов!

– Вы не посмеете погубить репутацию моей драгоценной дочери! – В голосе Ратбоуна уже звучали нотки отчаяния.

Завсегдатаи клуба «Уайтс», которым посчастливилось в этот момент оказаться в устланном толстыми коврами читальном зале, передвинулись на самые краешки сидений роскошных кожаных кресел и обратились в слух, отбросив притворство. Книги и газеты были забыты. Взгляды метались от Маркуса к Ратбоуну и обратно. Сейчас все смотрели на Маркуса.

– Поскольку у вашей дочери нет репутации, губить нечего, Ратбоун.

Зрители дружно беззвучно вскрикнули. Тем не менее слышались и сдавленные смешки. А кое-кто и не пытался сдерживать смех. И таких было большинство.

У Ратбоуна хватило мудрости не заострять на этом внимание.

– Сердце ее будет разбито.

Сейчас он, словно утопающий, хватался за соломинку. У девушки не было не только репутации, но и сердца, что, по мнению многих, делало ее самой подходящей парой для бессердечного герцога.

Пусть так. Но, если ему придется жениться, а рано или поздно он должен это сделать, коли считает своим долгом продолжить род, то его избранница будет обладать более приличными манерами и, вероятно, умом и сообразительно-

стью, чтобы она могла хоть как-то скрасить его последние дни.

Ратбоун снова открыл рот, но Маркус остановил его взмахом руки.

– Вы, сэр, и ваша дочь попытались заманить меня в ловушку, однако у вас ничего не получилось. Больше нам говорить не о чем.

Маркусу показалось, что он услышал скрежет зубов.

– Я вижу, – процедил Ратбоун, – что вас, ваша светлость, ничем не проймешь. У вас нет сердца. Молва не врет.

Маркус вежливо поклонился.

– Однако вы, видимо, не верили молве.

На сей раз никто из зрителей не сдержал смеха.

– В словах Харта есть резон, Ратбоун! – Маркус не узнал голос того, кто окликнул Ратбоуна, но, похоже, он высказал коллективное мнение зрителей. Присутствующие напоминали стаю голодных волков, готовых растерзать любого, едва почуяв запах крови. Впрочем, Ратбоуна ему было не жаль.

Ратбоун покосился на обратившегося к нему джентльмена, затем перевел злобный взгляд на Маркуса.

– Хорошо, я уйду, ваша светлость, но не думайте, что ваш бесчестный поступок будет забыт.

– Я вас понял, Ратбоун. Но и вы не думайте, что я изменю свое решение. Вам с вашей дочерью следует поискать более доступные способы поправить свое финансовое положение.

Ратбоун расправил плечи и вскинул голову. Он мог по-

пытаться усложнить существование Маркусу на ближайшие несколько недель, но это все, на что он мог рассчитывать. Ратбоун уже смирился с тем, что его карта бита.

И он покинул помещение.

Маркус посмотрел на оставшихся в читальном зале людей. Каждый из них сидел, уткнувшись в газету или в книгу. В полном соответствии с ожиданиями Маркуса никто ни словом не обмолвился о том, чему только что оказался свидетелем. Но Маркус понимал, что, сто́ит двери захлопнуться за ним, как читальный зал наполнится возбужденным шепотом и слухи с поразительной быстротой расползутся по всему городу. Как же эти мелкие пакостники были ему противны!

Распорядитель клуба бросился к Маркусу, как только тот вышел из читального зала.

– Ваша светлость, примите мои извинения за Ратбуона. Если бы я знал, что он поведет себя так...

– Пустяки, Монтгомери. Ратбоун такой же член клуба, как и я, как и все прочие. Вести себя по-идиотски – его право.

– Увы, это так, – удрученно пробормотал Монтгомери. – Могу я принести вам бутылку нашего лучшего бренди, ваша светлость? Для поднятия настроения?

Если бы Маркус утешался крепкими напитками после каждого вынужденного общения с типами вроде Ратбуона, то к тридцати годам превратился бы в горького пьяницу.

– Спасибо, не нужно. Пожалуй...

– Маркус!

Ну вот, бренди не понадобился. Настроение у него поднялось и без него. Маркус узнал голос своего кузена Нейта, маркиза Хайвуда. Обернувшись, Маркус увидел рядом с кузеном еще одного их общего друга – Алекса, графа Эванса.

– Маркус, ты собрался кого-нибудь убить? – озабоченно спросил Нейт.

– Я догадываюсь, кого, – произнес Алекс. – Мы только что разминулись с Ратбоуном.

– Он пытался заставить тебя жениться на его дочери? – уточнил Нейт с улыбкой на губах и тревогой в глазах. – Я рад, что ты поставил его на место.

– Да уж, не позавидуешь тому несчастному, кто возьмет в жены эту девицу, – произнес Алекс и, многозначительно кашлянув, продолжил: – Хотя ситуация, согласись, весьма пикантная. Что же на самом деле произошло в саду у Палмерсонов?

Маркус опасливо огляделся. Монтгомери отошел, но не слишком далеко. Очевидно, решил задержаться, в случае если Маркус передумает и все же захочет бренди. И еще Маркусу показалось, будто он различал голос Апплтона, и тот направляется к ним. Риск того, что здесь их разговор подслушают, был слишком велик.

– Пойдемте ко мне, – предложил Маркус, – и я вам все расскажу за бокалом бренди.

– Мы только что от тебя, знаешь ли, – заметил Алекс уже

по пути к выходу. – Твой дворецкий Финч настоятельно просил разыскать тебя и сообщить о письме из Лавсбриджа.

«Письмо из Лавсбриджа? Только не это!» У Маркуса от одного этого названия портилось настроение. Будь неладна эта деревня!

Нейт по дружбе подставил Маркусу плечо.

– Скорее всего управляющий решил ввести тебя в курс дел, беспокоиться не о чем.

Маркус кивнул. Конечно, все обстоит именно так, как предположил Нейт. Эммет ставит его в известность о необходимости дополнительных ассигнований на ремонт чего-то там, и он, Маркус, напишет ему в ответ, как делал это всегда, чтобы тот распорядился деньгами по своему усмотрению. Маркус был в своем поместье Лавсбридж один раз в жизни, когда, следуя воле проклявшей род Хартов Изабеллы Дорринг, почившей более двухсот лет назад, санкционировал вселение в некогда принадлежавший Изабелле Дорринг дом. Новая хозяйка дома старой девы, как он теперь назывался, – кажется, ее звали мисс Франклин, – была совсем юной девицей, утратившей шансы выйти замуж из-за какого-то скандала. Собеседование с ней проводил дядя Филипп, отец Нейта, поскольку Маркусу на тот момент едва исполнилось десять лет.

Маркус глубоко вздохнул, и тревога, сжимавшая грудь, отступила. Зря он волновался. Письмо из Лавсбриджа не имело никакого отношения ни к старым девам, ни к вакан-

сии на вселение в недоброй памяти дом. Мисс Франклин проживет еще не один десяток лет.

На что он, Маркус, надеяться не может.

– Финч заметно нервничал, – искоса посматривая на Маркуса, сообщил Нейт, когда все трое вышли на воздух. – Говорил, что тебя уже полдня дома нет.

– Заметно нервничал – мягко сказано, – усмехнулся Алекс. – Он чуть не рвал на себе волосы. И глаза у него были на мокром месте, готов поклясться.

Вот, черт!

– Не понимаю, с чего бы ему так беспокоиться. Он мог бы спросить Кимбала, где я.

– Кимбал тоже волновался, – нахмурившись, произнес Нейт.

– Какая нелепость! – Маркус мог бы понять обеспокоенность Финча, но кому как не Кимбалу, камердинеру Маркуса, знать привычки своего хозяина. И Кимбал понимал, что единственным верным средством от хандры для Маркуса были прогулки. И, надо сказать, последнее время Маркус гулял особенно много и долго. Мисс Ратбоун была третьей по счету девицей, пытавшейся затащить его в брачный капкан за последний месяц, а ведь сезон только начался. – Я сообщил Кимбалу, что хочу пройтись. Мне это помогает прочистить мозги.

– Если лондонское зловоние и гарь и способны что-либо прочистить, то уж никак не мозги, – возразил Алекс. – Киш-

ки – да. Не успеешь до ближайшей канавы добежать, как их наизнанку вывернет.

– Все совсем не так плохо, – произнес Маркус. В его теперешнем состоянии он мог бы пройти по туннелю в навозной куче и не заметить вони.

– Наверное, Финч не предполагал, что ты будешь прогуливаться четыре часа, – сказал Нейт.

«Скажите на милость! Неужели я и впрямь четыре часа прогулял?»

– Если ты так любишь прогуливаться, – хлопнув Маркуса по спине, сказал Алекс, – так почему бы тебе не стряхнуть лондонскую пыль с сапог и не отправиться на север, в Озерный край? – Похоже, Алекс не шутил, а говорил вполне серьезно, что было ему совсем не свойственно. – Финч и Кимбал не единственные, кто заметил, что с тобой не все в порядке.

– Чепуха! Я в отличной форме.

– Кувыркаться в кустах с девицей на выданье не твое амплуа, Маркус, – наставительно заметил Нейт, напомнив Маркусу дядю Филиппа, когда тот отчитывал их с Нейтом за какую-нибудь мальчишескую шалость.

Намерения у Нейта были самые благие, но как же Маркусу надоело его навязчивое покровительство! Нейт был старше Маркуса на три недели и потому считал своим долгом опекать кузена, тем более что они росли вместе, как родные братья.

– Так ты действительно успел ее наполовину раздеть, как рассказывает леди Данли? – поинтересовался Алекс.

– Чертовы сплетни, – пробормотал Маркус. – Осталось потерпеть совсем немного. Пара минут, и я поведаю вам все истории моей скорби.

Он поднял голову и увидел, что в окне третьего этажа шевельнулась портьера, и, не успели они взойти по ступеням к парадной двери, как Финч распахнул перед ними дверь. Кимбал выглядывал из-за плеча дворецкого.

– Вас так долго не было, ваша светлость, – сказал Кимбал, помогая Маркусу снять жилет. Маркус заметил, что у его слуги дрожат руки. – Мы волновались за вас. Вы вышли из дома не в лучшем расположении духа.

Чего эти двое боялись? Что он бросится в Темзу?

Судя по выражениям их лиц, именно этого.

Дела шли хуже день ото дня.

– Как видите, я цел и невредим. – Маркус заставил себя рассмеяться. – Я взрослый мужчина и заблудиться не опасюсь. – Финч посмотрел на Кимбала. Да что с ними такое?!

Кимбал прочистил горло:

– Дело в том, что с вашим отцом стали приключаться странные истории, когда ему исполнилось столько лет, сколько сейчас вам. Он тоже вдруг приобрел привычку надолго уходить куда-то, и однажды... Впрочем, вы сами знаете.

Пора отправить этих двоих на заслуженный отдых. Рань-

ше Маркус не думал об этом, но ведь Кимбалу уже далеко за шестьдесят, а Финч разменял восьмой десяток.

Кимбал судорожно сглотнул.

– Эти странности начали твориться с герцогом Хартом, когда ему исполнилось тридцать лет, и с каждым днем становилось все хуже. И ваш отец рассказывал, что с его отцом, вашим дедом, все обстояло так же.

– Проклятие рода Хартов, – обреченно заявил Финч.

– Родовое проклятие, – вторил ему Кимбал. Глаза у камердинера наполнились слезами. – Сначала герцог женится, а потом...

Да что он, в конце концов, обречен на то, чтобы эти двое и Нейт в придачу порхали над ним до конца его дней? Вот уж правда, может, смерть придет как избавление?

– У меня в планах на ближайшие лет десять женитьба не значится, и ваш траурный вид совершенно не уместен.

Кимбал и Финч в недоумении уставились на Маркуса.

– Так вы не собираетесь жениться на мисс Ратбоун, ваша светлость? – решил спросить Финч.

– Разумеется, нет. Вы считаете, что вместо головы у меня кочан капусты?

Финч с облегчением выдохнул:

– Конечно, нет, ваша светлость.

– Какие чудесные новости, ваша светлость! – сияя, воскликнул Кимбал.

– Раз все недоразумения улажены, не вернуться ли вам к

исполнению своих обязанностей? Ах да, Финч, не могли бы вы принести в мой кабинет холодные закуски?

– Сию минуту, ваша светлость.

– Эти двое ведут себя со мной, словно няньки с младенцем, – пожаловался друзьям Маркус, когда они сели у него в кабинете. – Хотите бренди?

– Меня это не удивляет, – произнес Нейт, принимая из рук друга бокал. – На их глазах разворачивалась драма с твоим отцом.

– Но ведь проклятие не более, чем легенда, верно? – Алекс с бокалом в руках устроился в кресле, протянув ноги к камину. – Кто, скажите на милость, в наши дни верит в проклятия? Смех, да и только! – Он обвел взглядом друзей и нахмурился. – Вот только вы двое почему-то не смеетесь.

– Мы не смеемся, – кивнул Нейт.

Маркус выпил бренди и подлил себе еще.

– Не хотите ли вы сказать, что верите во всю эту чушь насчет того, что Маркус умрет до того, как родится его наследник? – воскликнул Алекс.

– Мы верим, потому что так оно и есть, – хмуро ответил Нейт.

– Но это бред! Вы оба разумные люди...

– Все началось ровно двести лет назад. – Маркус слышал себя и едва верил в то, что слышал. Действительно, все это легко можно было бы принять за бред сумасшедшего, если бы не факты. – В тысяча шестьсот семнадцатом году мой

прадед надругался над Изабеллой Дорринг, незамужней дочерью богатого купца.

– Он не только лишил ее девственности, – добавил Нейт, – но еще и обрюхатил.

– Да, сделал ей ребенка. – Маркус глотнул бренди. – Очевидно, мисс Дорринг надеялась, что мой предок намерен жениться на ней.

Алекс презрительно усмехнулся:

– Чтобы герцог женился на купеческой дочери? Маловероятно.

– Судя по всему, мисс Дорринг считала иначе. – Всякий раз, размышляя о событиях двухсотлетней давности, Маркус испытывал желание схватить третьего герцога Харта за шею и удавить. Но убить мертвого невозможно, а его предок скончался уже много-много лет назад. – Он должен был, черт возьми, объяснить мисс Дорринг, что брак не входит в его планы, до того, как тащить ее в постель.

– А если она сама заманила его в ловушку, примерно такую же, что готовила для тебя мисс Ратбоун? – спросил Алекс.

– Тогда ему не следовало попадаться.

Нет ему оправданий! Нет, и все. Он вел себя как негодяй. Если бы у третьего герцога Харта была хоть капелька чести, он бы не выпускал зверя из штанов. Точно так же, как должен держать на запоре свои бриджи он, Маркус, сколько бы девиц на выданье не пытались лишить его бдительности. Он

должен держаться, чего бы это ему ни стоило. И, судя по тому, как развиваются события, малой кровью не обойтись. С каждым днем Маркусу все труднее противостоять искушению.

– Ребенка он наверняка был готов содержать, – предположил Алекс, – если, конечно, ребенок от него. Женщины далеко не всегда говорят мужчинам правду, особенно о том, что касается предположительного отцовства.

– Мисс Дорринг не лгала герцогу относительно его отцовства, – сказал Нейт. – После ее смерти ни один герцог Харт не доживал до рождения своего наследника. Вполне убедительное доказательство, вы не находите?

Маркус сделал глоток бренди, чтобы избавиться от неприятного послевкусия, что всегда оставляла эта история. Увы, для этого и графина бренди было бы мало.

– И тому, что мой предок вынужден был содержать своего отпрыска, нет никаких доказательств, – добавил он. – К тому времени, как Изабелла Дорринг осознала свою, так сказать, проблему, герцог уже успел жениться на другой и наслаждался медовым месяцем на континенте.

– Некрасиво получилось.

– Да уж.

– А что случилось с мисс Дорринг?

– Она утопила себя и так и не увидевшего свет ребенка.

– Не известно, – возразил, как всегда, Нейт. – Тело ее не было найдено.

– Что еще могло с ней случиться?

Нейт знал это предание так же хорошо, как и Маркус, ведь впервые Маркус услышал его из уст своего дяди. Кому приятно узнавать такое о своем прауродителе?

– Но, нравится тебе это или нет, приходится мириться с неоспоримыми фактами. Ты знаешь, как там глубоко. Не удивительно, что тело так и не нашли.

– Печальная история, – покачав головой, произнес Алекс. – Но верить в проклятие все равно что верить в зубную фею.

– Чем еще, если не родовым проклятием, можно объяснить безвременную кончину всех прямых потомков того несчастного герцога? Я согласен с Нейтом, существование проклятия можно считать доказанным. Мой прапрапрадед сломал шею, упав с лошади за две недели до рождения своего первенца. Мой прапрапрадед скончался от малярии через восемь месяцев после свадьбы, а два месяца спустя его вдова родила сына. История повторяется в каждом поколении.

– А как умер твой отец?

– Споткнулся о булыжник на мостовой и разбил голову о мраморные ступени собственного дома. Я родился через шесть недель после его смерти.

– Неправдоподобно, – сквозь зубы процедил Алекс.

– Веришь ты в проклятие или нет, значения не имеет. Финч рассказывал, что мой отец знать не хотел ни о каком проклятии, однако это его не спасло. Он закончил так же,

как и все до него.

– Неужели эту вашу порчу невозможно снять? – усмехнулся Алекс, глядя на друзей так, словно перед ним была парочка сумасшедших.

Нейт допил бренди и произнес:

– Есть способ. Герцог должен жениться по любви.

– И вероятность подобного события близка к нулю, – мрачно заключил Маркус. Из всех семейных пар, с которыми он был знаком, лишь родители Нейта любили друг друга. Увы, родители Маркуса не были приятным исключением из общего правила. Во всяком случае, мать Маркуса вышла замуж за его отца точно не по любви.

«Она и меня никогда не любила».

При этой мысли у Маркуса больно сжалось сердце. Сердце никак не желало смириться с фактами.

«Мне уже тридцать лет, и я давно не нуждаюсь в материнской любви».

Мать Маркуса оставила сына на попечении тети и дяди, когда ему была всего неделя от роду. Она спешила покинуть Британию, и на пути в Дувр сделала остановку в поместье родителей Нейта. Насколько Маркусу было известно, мать вышла замуж за какого-то итальянского графа и жила с ним на острове в Средиземном море. Наверное, ее муж не испытывал недостатка в средствах, поскольку «вдовый капитал», что полагался ей по закону, так и остался нетронутым.

Если бы она в этот самый момент вошла в комнату, Мар-

кус ее не узнал бы.

«Хорошо, что она меня бросила. Тем самым она одарила меня семьей. Благодаря ей, у меня есть Нейт».

Лакей Лоренс принес ветчину, сыр и хлеб.

– Мистер Финч просил напомнить вам о письме из Лавсбриджа. Оно у вас на столе.

– Да, Лоренс, спасибо. Я его вижу.

Новости о протекающей крыше и покосившемся заборе могут подождать.

– Что же на самом деле было у тебя с мисс Ратбоун? – спросил Алекс, как только ушел лакей. – Как тебя угораздило попасться в ее сети?

– И я не понимаю, как ты со своим умом и сообразительностью оказался у нее на крючке, – сказал Нейт. Голос его дрожал от возмущения. Или все же от тревоги? – Ты ведь понимаешь, как важно для тебя соблюдать осторожность, особенно сейчас.

Маркусу ужасно хотелось заявить Нейту, чтобы тот катился к черту, но стоит дать себе волю, и рядом с ним вообще никого не останется.

– Вы ведь знаете, как душно бывает в бальном зале. Я просто вышел подышать свежим воздухом.

Маркус действительно искал спасения от духоты и шума, но также хотел улизнуть от вдовы Чесни, которая явно искала с ним встречи после того, как он пару раз дал ей повод поверить в его заинтересованность в более близком знаком-

стве. Отсутствие сердца не подразумевало отсутствие мужественности, и Маркус, как и любой другой мужчина, имел определенные потребности.

«И еще я ужасно одинок».

Наконец Маркус сам себе в этом признался. Не мог он надеяться на долгую и счастливую семейную жизнь, но так хотелось немного женской ласки не по прейскуранту!

Маркус плеснул себе еще бренди. Как оказалось, вдова Чесни не готова дарить ему ласку даром, лишь в обмен на обручальное кольцо. Маркус ударил кулаком по столу. Руку пронзила боль. Ничего. Чем больнее, тем лучше.

– Вероятно, Ратбоун давно следил за мной и заранее все подготовил. Он взял меня тепленьким.

– Скорее всего, это удачная импровизация. Ратбоун увидел шанс и постарался его не упустить. Ратбоун не так умен, как ты думаешь, – заключил Алекс.

Тем досаднее его, Маркуса, оплошность. Наверное, ему действительно нужна нянька, если такие туповатые типы, как Ратбоун, могут обвести его вокруг пальца.

А теперь Ратбоун постарается донести до всех свою версию событий, и его, Маркуса, герцогский титул покроется новым слоем грязи.

– Сам не пойму, как я мог поверить Ратбоуну, когда он сказал, что его дочь куда-то запропастилась. Зачем только я согласился помочь ему в поисках!

– Можешь поздравить себя с тем, что тебе удалось найти

ее, – усмехнулся Алекс.

Да, с этим не поспоришь. Маркус действительно нашел ее. С распущенными волосами и распущенной шнуровкой корсета, отчего груди ее буквально вывалились наружу. Маркус живо припомнил увиденную картину, и у него пересохло во рту.

– Она пряталась за кустом и выскочила прямо на меня. Я отшатнулся, споткнулся и... – Маркус мрачно уставился в бокал. Анекдот, да и только. Будь на его месте другой, он посмеялся бы от души. – Мы оба оказались на земле, и как раз в этот момент на нас наткнулась леди Данли.

Алекс не выдержал и прыснул.

– Не вижу в этом ничего забавного.

– Тут уж не до забав, когда не знаешь, как вырваться из цепких коготков мисс Ратбоун, – промолвил Алекс. – Но со стороны... – Неудержимый хохот помешал ему закончить предложение.

– Считаю, тебе повезло, что мисс Ратбоун не заявила о том, будто ты ее изнасиловал, – сказал Нейт.

– Доказательная база у нее была слабовата. К тому же когда нас увидела леди Данли, мисс Ратбоун лежала на мне и целовала в губы.

У Нейта брови поползли вверх.

– И ты не мог ее остановить?

Хорошо, что в кабинете свет приглушенный. Может, никто и не заметит, как он покраснел.

– Хорошо, что я не попытался ее остановить. Иначе со стороны могло бы показаться, что она действует по принуждению.

Унизительная правда была в том, что Маркусу не очень-то хотелось сопротивляться. Ему было... приятно.

Очевидно, похоть и была той самой непреодолимой силой, толкавшей к алтарю всех его незадачливых предков. И, если бы дело ограничивалось влечением плоти, Маркусу хватало бы изобретательных и умелых жриц любви, к услугам которых он часто прибегал. Но последнее время никакие изыски не давали ему полного удовлетворения.

Нейт нахмурился.

– Лондонские девицы известны своим бесстыдством. Тебе надо на время уехать из города, – посоветовал он.

– Отправимся на север, в край несчитанных озер и непуганых коз. Козы в отличие от лондонских девиц не отличаются вероломством. – И еще там постоянно идет холодный дождь, – сказал Маркус.

Впрочем, почему бы не воспользоваться случаем, чтобы выбраться из города на природу? Взгляд Маркуса случайно упал на письмо из Лавсбриджа.

«Странно. Письмо написано явно не рукой Эммета».

– В это время года там совсем неплохо, – заметил Алекс. – Не хочешь ли ты сказать, что боишься растаять?

– Нет, – протянул Маркус и, повертев письмо в руках, обнаружил, что печать тоже ему незнакома.

– Так чего от тебя хочет Эммет? – спросил Нейт.

– Письмо не от Эммета. – Маркус вскрыл печать. Единственный лист был испещрен мелкими неразборчивыми каракулями. Хорошо еще, что писавший не увлеклся вензелями и росчерками. Но и без этих излишеств впору было приглашать шифровальщика.

Маркус поднес листок к свету. К счастью, подписано послание было печатными буквами.

Рэндольф Уилкинсон, стряпчий.

Это имя было Маркусу смутно знакомо... Вот досада! Он вспомнил, откуда знает эту фамилию. На Уилкинсона была возложена обязанность следить за тем, чтобы воля покойной Изабеллы Дорринг выполнялась неукоснительно и ритуал передачи дома самой достойной из старых дев никак и никем не нарушался. Очевидно, дом снова пустовал, и ему, Маркусу, предстояло его заселить.

– Судя по всему, мне нужно ехать в Лавсбридж. – Маркус со вздохом опустил письмо. – Уже завтра утром.

Глава 2

Апрель 1617 года. Герцог улыбнулся мне, когда мы выходили из церкви сегодня утром. У него совершенно очаровательные ямочки.

Из дневника Изабеллы Дорринг

Мисс Изабелла Кэтрин Хаттинг – для всех жителей Лавбриджа просто Кэт – наслаждалась редкими минутами покоя. Ее не смущало то, что она сидела за низенькой детской партой, в которую едва смогла втиснуться, главное, что младшие братья и сестры были заняты своими делами. Десятилетняя Пруденс читала, свернувшись калачиком на единственном удобном кресле. Шестилетняя Сибилла, разложив краски на подоконнике, писала очередную акварель, а четырехлетние близнецы, распластавшись на полу, строили из кубиков крепость для своих оловянных солдатиков.

Кэт посмотрела на лежавший перед ней на парте чистый лист бумаги. Вот уже несколько месяцев она никак не может начать эту книгу. Герои и героини ее будущего романа наперебой пытались ей что-то рассказать, когда Кэт помогала Сибилле с арифметикой, или разглядывала ленты в деревенской лавке, или пыталась заснуть, завидуя улыбающейся во сне восемнадцатилетней Мэри, с которой из-за тесноты делила не только спальню, но и кровать. Однако сейчас, когда

Кэт ничто не мешало записать их слова, они упрямо молчали.

Ладно, не хотят говорить, значит, она их заставит. Кэт обмакнула перо в чернила.

Старшая дочь vicария Ребекка улыбнулась герцогу Уортингу.

Нет, не то. Кэт зачеркнула написанное.

Мисс Ребекка Уолкер, старшая дочь vicария и самая красивая девушка в деревне, улыбнулась герцогу Уортингу.

Глупо. Кто станет читать роман, начавшийся с того, что хорошенькая простушка строит глазки высокомерному привереде герцогу? Надо бы... Нет. Сколько раз мисс Франклин говорила Кэт, что сначала нужно сочинить рассказ, а потом уже заниматься критическим разбором, а не наоборот. Она...

Сибилла пронзительно вскрикнула, рука Кэт дрогнула, и чернильная клякса появилась не только на бумаге, но и на самом видном месте платья – чуть ниже воротника!

– В чем дело, Сибилла?

Могла бы и не спрашивать. Кэт и так видела, в чем дело, вернее, в ком. Томасу и Майклу надоело строить крепость, и они решили плеснуть водой на акварель Сибиллы.

С громким плачем Сибилла схватила безнадежно испорченную картину и бросилась к старшей сестре:

– Смотри!

В результате к пятнам от чернил на платье Кэт прибави-

лись пятна от краски. Хорошо, что это платье не было ее любимым. Кэт отлепила шедевр от ткани. Теперь уже понять, что именно пыталась изобразить художница, было невозможно. Судя по разводам, это было нечто сине-зеленое с краплениями белого и черного.

– Мы просто хотели увидеть овец, – сказал Томас. Взгляд его широко открытых глаз можно было бы счесть невинным, если бы не предательский блеск. И это в четыре года! Чего от него ждать, когда он подрастет? А ведь ей казалось, что бóльших озорников, чем пятнадцатилетний Генри и тринадцатилетний Уолтер, свет не видывал.

Как папа, служитель церкви, умудрился зачать столько неуправляемых мальчишек, остается загадкой. Не зря говорят: неисповедимы пути Господни.

– Это были не овцы! – громко возмутилась Сибилла. – Это были облака, вы, недоумки!

Томас упер руки в бока и закатил глаза, подражая Пруденс.

– Только остолопы рисуют облака! – заявил он. – Да, остолопы!

Кэт сказала себе, что должна радоваться уже тому, что братья не научили Томаса словам похуже. Или научили, но он пока не решается пускать их в ход?

Сибилла насупила брови и выставила вперед челюсть. Только не это? Кэт не была готова к очередной истерике младшей сестры, хотя догадывалась, что именно этого доби-

вались близнецы.

– Облака – прекрасный объект изображения, – дипломатично заметила Кэт, положив руку на плечо младшей сестры. Сибилла должна ощущать ее поддержку, но если художница вздумает полезть в драку, Кэт успеет удержать ее. – Мы можем увидеть облака на картинах многих знаменитых художников.

Майкл потянул Кэт за юбку:

– Мы просто хотели, чтобы Сибби поиграла с нами.

Сибби увидела возможность для контрудара.

– Я не играю с младенцами! – сообщила она, задрвав нос.

Томас сжал кулачки. Кэт схватила его за плечо свободной рукой.

– Мы не младенцы! – возмущенно воскликнул он, пытаясь освободиться от цепкой хватки Кэт. – И Майкл из-за тебя плачет.

В отличие от Томаса, Майкл был чутким и ранимым. Кэт отпустила Сибиллу и, продолжая удерживать Томаса, обняла его. Томас старался вырваться и ударить Сибиллу, и та, разумеется, отнюдь не стремилась разрядить обстановку. Скрестив руки на груди, она с насмешливым презрением взирала на брата. Кэт бросила умоляющий взгляд на Пруденс.

Но Пруденс, перевернув страницу, продолжала читать.

Неожиданно Кэт охватило непреодолимое желание завизжать так же отчаянно громко, как Сибилла. Кэт тоже не хотелось играть с мальчиками. Она мечтала побыть одной. Ей хо-

телось, чтобы все оставили ее наконец в покое, и насладиться тишиной. Кэт отчаянно хотелось увидеть написанную ею книгу на полке общественной библиотеки. Мисс Франклин считала, что у Кэт есть талант. Все, что ей нужно, это время для себя, любимой.

С тем же успехом она могла мечтать о луне и звездах для себя. Когда Кэт обмолвилась отцу о том, что хочет написать роман, в надежде на то, что родитель даст ей возможность поработать в своем кабинете час или два ежедневно, он рассмеялся. Ни отец ни мать не видели смысла в том, чтобы рассказывать истории о людях, которые никогда не существовали.

– Нет, вы не младенцы, Томас, – натянув улыбку, промолвила Кэт. Она должна помнить о том, что они еще совсем маленькие, хотя и не младенцы. И она им необходима. – Оставьте Сибиллу в покое. Я поиграю с вами.

У Майкла сразу высохли слезы.

– Здорово! – просияв, воскликнул он. – Лучше с тобой играть, Кэт, чем с Сибиллой. Она вечно все портит.

– Неправда!

– Сибби, – строго сказала Кэт, – почему бы тебе не написать облака еще раз?

– Где я буду писать? Тут везде вода!

Кэт снова заставила себя улыбнуться. Когда улыбаешься, кричать трудно.

– Пруденс поможет тебе убрать, верно, Пру?

Та безмятежно читала.

Кэт перевела дух и растянула рот в улыбке:

– Пру, пожалуйста, помоги Сибби убрать.

Тишина.

– Пру! – Надо признать, что иногда без крика не обойтись.

Пруденс, наконец, подняла голову:

– Почему я должна ей помогать? Я не разливала воду.

Еще один глубокий вдох и выдох.

– Да, ты не разливала воду, но она разлита, а Сибби не может достать тряпку. – Кроме того, в лужу на полу может наступить кто угодно, поскользнуться и упасть. – А я занимаюсь мальчиками.

Пру закатила глаза, театрально вздохнула и, пометив страницу закладкой, закрыла книгу. Можно подумать, будто Кэт заставляет ее слизать лужу языком.

– Раз уж больше некому, – усмехнулась Пруденс и удалилась за тряпкой.

Кэт продолжала улыбаться. Она должна была подавать младшим пример. Кроме того, гнев – пустая трата сил и энергии. Если она скажет Пру все, что о ней думает, неизбежно возникнет ссора, и тогда Пру точно не вытрет пол.

– Кэт, ты обещала с нами поиграть, – напомнил Майкл, дернув сестру за юбку.

К тому же перебранка с Пруденс расстроит Майкла и вновь заведет Томаса.

– Спасибо, Пру, – сдержанно улыбаясь, произнесла Кэт,

когда Пруденс с недовольным ворчанием принялась вытирать пол.

Кэт бросила тоскующий взгляд на чудовищно неудобную парту и уселась на пол рядом с братьями.

– Можешь взять этих, – разрешил Майкл и пододвинул к ней трех самых невзрачных солдат с облупившейся краской.

Кэт поставила их в шеренгу. Чтобы играть в солдатики с четырехлетними мальчишками, думать не обязательно. Значит, она может размышлять не об игре, а о книге. О том, как ее следует начать.

– Прикажи им идти в атаку, – сказал Майкл.

– Пусть они нападут, – добавил Томас, – и тогда мы можем взять их в плен и убить.

Мальчики порой такие кровожадные.

Кэт повела солдат на врага, приближая их незавидную судьбу.

– Смотрите, ребята, чертовы лягушатники!

– Томас!

Брат даже головы не поднял. Он смотрел только на своих солдат.

– Солдаты слов не выбирают, Кэт.

– Солдаты не выбирают, а ты будешь выбирать. Что сказал бы папа? – Честно говоря, папе было бы, наверное, безразлично. – Что сказала бы мама?

Томас скорчил рожицу и, подражая высокому маминному голосу, пропищал:

– О боже, это французские солдаты.

Судя по всему, с Томасом проблем будет еще больше, чем с Уолтером и Генри.

Но решать их придется маме, а не ей. Кэт шел двадцать пятый год, и, если она не придумает, как вырваться на свободу, ей и трех строк не сочинить, не говоря уже о целой книге. Но кто бы подсказал Кэт, где он, путь, к свободе?

Жаль, что она не родилась мужчиной! Насколько проще была бы ее жизнь. Мужчины могут поехать, куда захотят, и делать все, что пожелают. Взять, к примеру, Генри и Уолтера. Мама никогда не просила их присмотреть за младшими братьями и сестрами, однако когда Кэт было столько лет, сколько им сейчас...

Маму, впрочем, понять можно. Дай братьям волю, и последствия не заставят себя ждать. Ураган – ничто по сравнению со стихийным бедствием по имени Уолтер и Генри.

Майкл громко изображал свист пуль, Томас вопил и цокал, имитируя стук копыт целого кавалерийского полка. Солдат Кэт, повалив на пол, уже тащили в крепость.

– Кэт!

Обернувшись, она увидела миссис Хаттинг в дверях классной комнаты.

– Что, мама?

– Я хочу попросить тебя сходить к миссис Баркер. Папа говорит, что слышал, будто у нее разыгралась подагра. – Мать улыбалась, глядя куда-то поверх головы дочери. – Я подума-

да, что мы могли бы порадовать ее домашней выпечкой.

Вот уж кого совсем не хотелось радовать, так это злобную склочницу миссис Баркер, которая, на беду Кэт, приходилась матерью состоятельного, богобоязненного фермера, исправно посещающего церковь, дающего щедрые пожертвования и при этом неженатого.

– А Генри или Уолтер не могут отнести ей корзину?

– Конечно, нет, – хихикая, промолвила Пруденс. Она уже успела помочь Сибилле с уборкой и вновь читала книгу. – Они ведь не могут выйти замуж за мистера Баркера.

Миссис Хаттинг натянута рассмеялась:

– Не говори глупости, Пру! Ты же знаешь, что мальчики занимаются с папой латынью.

Да, занимаются. Из-под палки. Что Генри, что Уолтер с радостью бросились бы выполнять ее поручение, лишь бы не учиться.

– А Мэри? – без особой надежды спросила Кэт.

– Она должна примерить свадебное платье. Миссис Грили придет с минуты на минуту.

Миссис Хаттинг была бы рада осчастливить миссис Грили новым заказом на свадебное платье, на сей раз для Кэт, едва та закончит шить наряд для Мэри.

Тори и Рут, одна на год моложе Кэт, другая – на два, уже успели выйти замуж и родить первенцев. Мэри должна пойти под венец менее чем через две недели, и тогда у мамы с папой не останется дочерей на выданье, кроме Кэт. По край-

ней мере, до тех пор, пока, лет через семь, Пруденс не войдет в возраст.

Лучше, чем сейчас, уже не будет. Только хуже.

Может, ей действительно есть смысл присмотреться к мистеру Баркеру? В том, что он хочет на ней жениться, сомнений не возникало. Каждые несколько месяцев мистер Баркер делал ей предложение, и когда Кэт отвечала ему отказом, со смехом хлопал ее по руке и обещал, что непременно предпримет новую попытку, и так до тех пор, пока она не согласится. Этот его снисходительный смешок ужасно злил Кэт. Однажды она не сдержится и даст ему пинка.

Но, став женой мистера Баркера, Кэт сможет переехать из этого сумасшедшего дома...

Под одну крышу с его зловредной мамашей.

Нет, этому не бывать. Даже если бы миссис Баркер была святой, что совсем не так, ее сынок косил бы на оба глаза, имел бы нос в форме утиного клюва и кривые зубы. И от него постоянно несло навозом – можно подумать, что вместо одеколona он использует навозную жижу!

И ей придется рожать ему детей.

У Кэт свело живот при этой мысли, и необходимость вырваться из отчего дома уже не казалась столь острой.

– Право же, мама, эту корзину может отнести кто-нибудь другой.

– Боюсь, что других просто нет, – заявила миссис Хаттинг.

Кэт решила разыграть свой последний козырь:

– Ладно. Я возьму с собой Майкла и Томаса.

Ни мистер Баркер, ни его мать не жаловали близнецов, и потому с ними визит долго не продлится.

– Я не хочу туда, – поморщился Томас. – Миссис Баркер жадная и противная. И у нее бородавка на носу, как у ведьмы из книжки. И ее кухарка печет невкусное печенье.

Майкл кивнул.

– И еще конь мистера Баркера попытался укусить меня, когда я его гладил.

Миссис Хаттинг посмотрела на сыновей с осуждением, но не стала напоминать им о том, что о взрослых говорят или хорошо, или ничего.

– Баркеры живут далеко. Вы устанете идти к ним пешком, – обратилась миссис Хаттинг к близнецам и добавила, с улыбкой глядя на дочь: – Ты пойдешь одна, дорогая. Не торопись возвращаться. Надеюсь, ты хорошо проведешь время с миссис Баркер.

– С миссис Баркер нельзя хорошо провести время, – заявила Сибилла и получила испепеляющий взгляд от матери. Выдержав паузу, миссис Хаттинг обратилась к Кэт:

– А после, возможно, мистер Баркер найдет время, чтобы отвезти тебя домой в своей коляске.

Вот уж сомнительное удовольствие! Строптивый и на редкость неторопливый конь мистера Баркера будет тащиться полчаса там, где и четверти часа хватит, а невыразимо скучная беседа с его занудным хозяином превратит это время в

вечность. Последняя прочитанная им книга, а может, единственная прочитанная, «Размышления о методах выращивания овец» Джерели Джонсона, вдохновляла его исключительно на монологи о выведении овец различных пород и особенностях стрижки.

– Чтобы он мог в очередной раз сделать Кэт предложение, да?

– Пру! – возмущенно воскликнула миссис Хаттинг. – Девушке не подобает вести себя так дерзко!

– Да, мама. – В голосе Пру звучало раскаяние, но во взгляде, что она послала Кэт, его не было. Коварства в этой девочке не меньше, чем у Томаса.

Кэт прищурилась... Остановись, тебе уже двадцать четыре года! Ты не должна опускаться до уровня десятилетней нахалки.

Майкл потянул Кэт за руку.

– Ты ведь не выйдешь замуж за мистера Баркера? – доверчиво заглядывая в лицо сестре, тревожно спросил он.

– Майкл, не следует так переживать. Мистер Баркер прекрасный человек, – сказала миссис Хаттинг, – и я уверена, ты полюбишь его, когда лучше узнаешь.

– Полюблю?

– А я нет, – решительно заявил Томас. Он выставил вперед ногу, скрестил руки на груди, поджал губы и задрал нос. – Я никогда его не полюблю. – Кэт легко пожала руку Майклу, давая понять, что она готова поддержать его, и, пока

мать думала, как отреагировать на очередную выходку Томаса, поспешила высказать свое мнение о проблеме:

– Я знаю мистера Баркера достаточно хорошо, мама, и убеждена, что мы друг другу не подходим.

– Но готовые к браку неженатые мужчины не растут на деревьях, Кэт, и тебе уже двадцать четыре года. – Миссис Хаттинг многозначительно выгнула брови. – Никто из нас не совершенен, знаешь ли. Посмотри на мистера Баркера без предубеждения, и, вероятно, ты увидишь совсем иного человека.

Неужели мама действительно считает, что только предубеждение мешает Кэт получать удовольствие от лекций о болезнях овечьих копыт?!

Кэт улыбалась. Или улыбаться, или визжать – третьего не дано.

Почему она не может высвободиться из семейных пут, как, например, мисс Франклин, получившая в распоряжение целый дом благодаря завещанию Изабеллы Дорринг? Мисс Франклин содержала небольшую платную библиотеку, единственную в деревне, но все то время, пока она не работала, принадлежало только ей одной. Она могла делать то, что хочет и когда хочет. Читать или писать, стоять на голове. Как раз на днях мисс Франклин рассказала Кэт, что учится играть на арфе. Если бы только у нее, Кэт, была возможность наслаждаться благословенным уединением! Тогда она написала бы сколько угодно книг.

– Я лишь хочу, чтобы ты была счастлива, Кэт, – промолвила миссис Хаттинг.

Кэт знала о том, что мать желает ей счастья. Но не была согласна с тем, что путь к нему лежит через замужество. Нет, она пойдет другим путем.

Только сейчас миссис Хаттинг заметила пятна на платье Кэт:

– Боже, что случилось с твоим нарядом?

– Маленькая неприятность.

– Непременно переоденься, прежде чем отправишься в гости к Баркерам!

Кэт и в голову бы не пришло выйти из дома в таком виде, если бы не одна особенность миссис Баркер. Та терпеть не могла неряшливость. Как, впрочем, и мистер Баркер. Вот долгожданная возможность внушить им отвращение к себе.

– Нет. Если миссис Баркер страдает, я не стану ни на минуту задерживаться.

Мать, конечно, видела Кэт насквозь, однако предпочла закрыть тему.

– Хорошо. Только не забудь накинуть плащ, – кивнула миссис Хаттинг, но, нахмурившись, добавила с сомнением: – Только тебе, пожалуй, будет жарко.

Жарко – не то слово. Она рискует расплавиться словно свечка. Миссис Баркер ужасно боится простудиться, и в доме топят даже летом. На прощание Кэт еще раз тихонько стиснула маленькую ладошку Майкла.

– Где корзина?

– На кухне. И не забудь передать миссис Баркер мои наилучшие пожелания.

Перед выходом Кэт заглянула в свою комнату, их с Мэри комнату, и увидела там сестру, которая кружилась перед зеркалом в одной сорочке. Пруденс при виде этой картины непременно закатила бы глаза, но Кэт этого не сделала. А как хотелось!

Мэри замерла и уставилась на лиф платья Кэт:

– Что с тобой приключилось?

– Сибби и близнецы затеяли нечто вроде драки. – Кэт сняла с крючка плащ.

– А переодеться ты не хочешь?

– Нет.

Мэри прищурилась:

– Куда это ты собралась?

– Отнесу корзину миссис Баркер. – Как только Мэри выйдут замуж, вся кровать целиком окажется в распоряжении Кэт. Если только мама не решит подселить к ней Пруденс. Та часто жаловалась, что Сибби пинается во сне.

– Миссис Баркер не понравится то, что она увидит.

– Именно на это я и рассчитываю.

Мэри рассмеялась:

– Миссис Баркер непременно расскажет мистеру Баркеру, что ты превратилась в грязнулю. – Она покачала головой. – Не понимаю, что тебе мешает принять предложение мистера

Баркера. Ты могла бы выйти замуж раньше сестер.

– И жила бы в одном доме с миссис Баркер!

– И это сводит на нет все достоинства мистера Баркера?

– О каких достоинствах речь? Мистер Баркер некрасив, он пахнет так, словно живет в хлеву, смех его похож на лошадиное ржание, и к тому же он ужасный зануда.

– У мистера Баркера широкие плечи. А что до всего остального – никто из нас не идеален.

– Я в курсе. – Неужели все считают ее наивной дурочкой, ждущей принца на белом коне? – У меня нет сомнений в том, что мистер Баркер станет прекрасным мужем, но не для меня. – Кэт сняла шляпу с вешалки. – И вообще, я не хочу выходить замуж.

– Захочешь когда-нибудь, – промолвила Мэри, мечтательно глядя в зеркало. – Когда встретишь своего мужчину. Такого, как мой Тео. – Теодор Данли – приятный молодой человек, работал помощником управляющего поместьем. Его можно было даже назвать начитанным, пусть и с натяжкой. Но он никогда бы не сумел заставить сердце Кэт биться чаще. И это к лучшему, ведь Теодор Данли был по уши влюблен в Мэри, как и она в него.

– Видимо, я просто не создана для брака.

Наверное, в голос Кэт случайно прокралась непрошенная печаль, поскольку на лице Мэри тут же появилось выражение жалостливого участия. Кэт терпеть не могла, когда на нее вот так смотрят.

Ну и что, что сестры повыскакивали замуж? Чему тут завидовать? Хотя, если честно, Кэт все же было немного грустно от сознания того, что они счастливы, а она не очень.

– Ты непременно найдешь мужчину, которого сможешь полюбить, – заявила Мэри.

Но стоило Кэт напомнить себе, как много приходится трудиться маме, Тори и Рут – нянчить детей, готовить, убирать, шить и штопать, – как грусть исчезала. Бедняжки и пяти минут в день не могут выкроить для себя.

– Не уверена. Но в любом случае мистер Баркер – не мой герой.

Мэри участливо погладила Кэт по руке.

– Не теряй надежды.

– Надежду на что? – усмехнулась Кэт. – На то, что какая-нибудь жаба из тех, что живут в нашем деревенском пруду, вдруг превратится в принца? Из всех наших местных потенциальных женихов ни один не привлекает меня настолько, чтобы ради него я отказалась от свободы.

– Но ведь ты не хочешь прожить с родителями всю оставшуюся жизнь?

– Лучше я буду жить с ними, чем с мистером Баркером и его матерью.

– Ладно, – небрежно взмахнув рукой, кивнула Мэри. – Вы с мистером Баркером не созданы друг для друга. Но это не означает, что на свете нет подходящего для тебя мужчины. Как знать, может, он как раз сейчас едет в Лавсбридж.

Нет, Кэт не стала закатывать глаза. Ей же не десять лет!

– Не смей меня. Сюда никого силком не заманишь.

– Странно. Лондон совсем недалеко от Лавсбриджа.

– Да брось, Мэри! Ты прекрасно знаешь, почему к нам никто не едет. Здесь не на что смотреть и нечего делать. Мы живем в маленькой скучной деревушке. – Скучной – мягко сказано. Новый день точно повторяет предыдущий. Никаких тебе сюрпризов и неожиданностей. Да и откуда им взяться? Каждый знал про каждого абсолютно все, а также про всех его родственников до четвертого колена. Разнообразие в это затхлое существование вносили лишь сплетни и погода. Они и являлись главными темами разговоров. И еще овцы. Может, если бы Кэт жила в Лондоне, ей было бы о чем написать.

Однако Лондон не для нее. К тому же если честно, ехать туда Кэт побаивалась. Пусть она ни разу там не была, но много читала о лондонской толчее, о шуме и о грязи. Мэри приняла боевую стойку, готовясь защищать родные места.

– Как ты можешь называть Лавсбридж скучным? А как же наши... ярмарки?

– Что такого в них особенного?

Кэт, как и прочим жителям Лавсбриджа, нравилось бывать на ярмарках, но приезжих на них не бывало.

– Я познакомилась с Тео на ярмарке. Той, что организовали прошлым летом.

– Скажи как есть: ты заметила его на ярмарке, а знакома с ним была уже не один год. – Хотя, может, Мэри уже давно

была неравнодушна к Тео, а вот он обратил на нее внимание на ярмарке. В любом случае с тех пор Мэри и Тео неразлучны.

– Ты умеешь вывести из себя! – раздраженно притопнув, воскликнула Мэри.

– Именно по этой причине я не включаю в планы замужество.

– А как же любовь?

Кэт почувствовала, что краснеет. Любовь между женщиной и женщиной была для нее предметом темным, неизученным. Кэт видела, как порой папа обнимает маму за талию и пытается сорвать с ее губ поцелуй, в то время как мама, смеясь, делает вид, будто отталкивает его. И то, что у папы с мамой десять детей, говорит само за себя...

Даже думать об этом было неловко.

Мэри тоже раздумянулась, но отнюдь не от стыда за родителей.

– Любовь – восхитительное состояние, Кэт. Когда Тео меня целует... – Взгляд у Мэри сделался мечтательно-туманным.

Видит бог, сейчас Кэт стошнит, если Мэри не сменит тему!

Ну что, скажите на милость, может быть приятного в поцелуях? Кэт рассуждала чисто умозрительно ввиду полного отсутствия личного опыта в данном вопросе, однако приобрести этот опыт ей совсем не хотелось из-за неизбежного

отвращения. И как при этом уберечь нос от столкновения с носом партнера?

Пусть это выясняют другие, а ей целоваться ни к чему.

При всем при этом Мэри права в главном: Кэт совсем не хотелось провести остаток дней под одной крышей с родителями. Только вот как избежать столь печальной судьбы, не впрягаясь в ярмо под названием брак? Но вожденный дом был уже занят, и мисс Франклин не было и сорока, и на здоровье она никогда не жаловалась.

Мэри крутилась у зеркала, внимательно рассматривая себя.

– Никогда не знаешь, какой сюрприз припасло для тебя провидение. Может, тот, в кого ты влюбишься, прямо сейчас стоит на пороге нашего дома.

– Ты только что говорила, что он въезжает в нашу деревню. Не слишком ли быстро он передвигается? Да, да, – замахав руками, поспешила добавить Кэт. – Ты скажешь, что Лавсбридж мал. Но не настолько же! – Чтобы она влюбилась в первого встречного? Глупости!

– Какая же ты зануда, Кэт.

– Я не зануда, а реалистка. Но если хочешь, чтобы я во всем с тобой соглашалась, изволь: мой суженый уже стоит на пороге нашего дома. А привел его сюда сам король эльфов.

– С твоим характером тебе сложно будет с кем-то ужиться. Если останешься старой девой, так ты сама в этом виновата.

– Положение старой девы меня вполне устраивает, – за-

явила Кэт и вышла из комнаты. Если идти быстро, до фермы Баркеров можно добраться минут за двадцать, прикидывала она, спускаясь по лестнице. Если повезет, миссис Баркер прогонит ее прочь, как только заметит пятна на платье гости, предварительно забрав корзинку с угощением, конечно. Однако, если встречи с мистером Баркером избежать не удастся, сбежать будет сложнее, хотя...

В дверь постучали. Вот и долгожданная портниха, решила Кэт. Последние несколько ступенек она преодолела бегом, торопясь впустить миссис Грили. Кэт распахнула дверь, и...

И заморгала в недоумении. Вместо дородной дамы в очках Кэт увидела перед собой высокого, атлетически сложенного мужчину. Он снял шляпу, продемонстрировав густую шевелюру каштановых волос, слегка поклонился и улыбнулся. На щеках заиграли необычайно милые ямочки. Кэт всегда считала, что ямочки украшают только девиц, но сейчас с удивлением поняла, что ямочки могут украсить и мужчину тоже, и при этом добавить ему мужественности. Они искушали, побуждая ее рассмотреть их пристальнее, с более близкого расстояния. В общем, эти ямочки внушали Кэт весьма опасные мысли. Она затаила дыхание. Что это с ней?

Очевидно, стоявший напротив мужчина задался тем же вопросом. Его правая бровь поднялась вверх. Он, кажется, что-то говорил, только у нее вдруг пропала способность слышать.

Кэт нервно рассмеялась, с удивлением отмечая, что чув-

ствуует себя так, словно балансирует на краю пропасти.

– Простите, сэръ, я вас не расслышала. Я немного растерялась. Думала, что вы – миссис Грили. Нет, вы не похожи на нее внешне, я просто решила, что это она пришла.

Кэт было стыдно за себя. Что она лопочет? Надо немедленно взять себя в руки.

Его глаза, очень красивые, карие, с длинными ресницами, широко распахнулись и блеснули озорством. Мужчина с трудом сдерживал смех.

Как будто Кэт впервые в жизни увидела мужчину!

Мужчину, в которого ей суждено влюбиться...

Что за чушь? Неужели она до сих пор верит в сказки?

– Заходите, пожалуйста. Вы к моему отцу?

– Если ваш отец викарий, то к нему. – Незнакомец переступил через порог. – И кто такая, осмелюсь спросить, миссис Грили? – Теперь, когда к Кэт вернулась способность слышать, она по достоинству оценила красоту его голоса, бархатного, богатого обертонами. И речь у него была грамотной и правильной – речь хорошо образованного человека. В общем, голос его был таким же выразительным и привлекательным, как и ямочки на щеках.

И если Мэри помешалась на почве влюбленности, то для ее, Кэт, помешательства нет никаких оснований. Пожалуй, надо было все же переодеть платье, подумала Кэт, заметив, что незнакомец скользил взглядом по перепачканному лиффу.

Глупости! Этому мужчине нет никакого дела до ее наря-

да. Ему безразлично, что на ней, пусть даже грязный картофельный мешок. И, если честно, ее платье недалеко ушло от пресловутого мешка. Кэт всегда была равнодушна к вещам и не следила за модой.

– Миссис Грили – наша деревенская портниха. Она должна прийти, чтобы закончить свадебное платье Мэри, моей сестры. – Незнакомец был выше любого из знакомых Кэт мужчин, и ни у одного из деревенских молодых людей не было таких широких плеч. Хотя не может быть, чтобы плечи его были шире, чем у мистера Баркера. Вероятно, все дело в покрое сюртука.

Однако пахло от него гораздо лучше, чем от мистера Баркера. Ни намек на навозную вонь.

– Понимаю. А вы...

– Мисс Хаттинг, старшая дочь vicария. – Кэт растянула губы в вежливой улыбке. Чем быстрее она отведет незнакомца к отцу, тем скорее выполнит порученное матерью и, что еще важнее, тем раньше вернется к ней способность мыслить ясно. – Давайте, я провожу вас к отцу. Шляпу можете оставить здесь, на столике.

– Мне не хотелось бы задерживать вас, – произнес незнакомец и выразительно обвел взглядом ее шляпу и плащ.

– Мои дела могут подождать, – сказала Кэт и, сняв шляпу и плащ, повесила их на крючок у двери. – Как мне вас представить?

– Харт. – Он смотрел на нее так, словно это имя должно

было вызвать у нее какой-то особенный отклик. Странно.

Кэт повела гостя по коридору.

– Вы впервые в Лавсбридже, мистер Харт? – Могла бы и не спрашивать. Конечно, впервые. Мужчина с такими внешними данными не остался бы незамеченным, даже если бы пробыл в Лавсбридже не более пяти минут.

– Не совсем. Я был в Лавсбридже, но лишь один раз, много лет назад. И я не мистер Харт.

Кэт уже занесла руку, чтобы постучать в дверь, но, услышав его слова, удивленно обернулась.

– Простите. Я ослышалась? – Фамилию Харт не так трудно запомнить, и если она действительно что-то напутала, то дело ее совсем плохо.

Незнакомец, продолжая смотреть на Кэт, усмехнулся, что только прибавило ему обаяния.

– Нет, вы не ослышались. Вы просто меня не поняли. Харт – мой титул, а не фамилия.

В свое оправдание Кэт могла бы сказать, что титулованные джентльмены из Лондона редко заглядывают в Лавсбридж, а точнее никогда.

– Прошу меня простить, лорд Харт.

– Я не лорд Харт. – Незнакомец смотрел ей в лицо.

Он явно рассчитывает на то, что Кэт узнает его. С какой стати?

– Почему бы вам просто не сообщить, кто вы такой, вместо того чтобы играть со мной в эту глупую игру в угадай-

ку? – Кэт вела себя с гостем непозволительно грубо, и при этом она отдавала себе в этом отчет. Но раздражение и что-то еще, чему она не могла дать определение, мешало ей держать язык за зубами. – Кто вы? Король Харт или принц Харт, или, может, герцог...

Ой!

На лице его играла усмешка.

– Вы угадали. Я – герцог Харт. – Незнакомец вновь поклонился, на сей раз нарочито театрально. Он оказался не чужд самоиронии. – Хотя вам, возможно, больше знакомо мое прозвище Проклятый герцог.

Глава 3

10 апреля 1617 года. Сегодня днем я опять столкнулась с герцогом лицом к лицу во время прогулки. Он предложил прогуляться вместе и взял меня под руку. Какие у него изысканные манеры! По сравнению с ним все наши местные мужчины – деревенские увальни. И предплечье у него твердое как скала. Представляю, какая у него впечатляющая мускулатура!

Из дневника Изабеллы Дорринг

– Ваша светлость, простите. Я не нарочно... Мне очень жаль... Я и представить не могла...

Герцог Харт молча взирал на пунцовую от стыда, заикающуюся девушку.

Ему бы следовало остановить этот поток несвязных извинений, избавить ее от неловкости, сказав, что все это пустое и не должно ее смущать. Но герцог Харт не мог произнести ни слова. Желание раскаленным железным кольцом сжимало горло, мешало дышать, туманило разум.

Проклятие. Совсем плохи его дела. Такого с ним еще не было.

И кого ему вздумалось возжелать! Дочь викария! Заполучить ее он мог только через брак, который запустит часы, отмеряющие последние месяцы его жизни. Да, эта девушка

была хорошенькой, но она не стоила того, чтобы ради нее прощаться с жизнью. Она вполне может оказаться такой же коварной интриганкой, как и мисс Ратбоун, если не хуже.

Герцог Харт мог внушать себе все, что угодно, но на снедавшую его похоть аргументы не действовали.

Здоровый блеск ее золотисто-рыжих волос, сияние широко посаженных зеленых глаз, в которых светился ум... И желание. Да-да, желание. Наверное, дочь викария сама не осознавала, что с ней происходит, но герцог Харт готов был поклясться, что эта девушка его хотела. Пусть желание ее было мимолетным, как та яркая вспышка, что на мгновение преобразила ее взгляд, но ошибки быть не могло: этот взгляд он ни с чем бы не спутал.

Нужно срочно успокоиться, потому что нижняя часть его тела уже начала жить самостоятельной жизнью. Посмотрев на грудь девушки, он сказал себе: видишь? Она не слишком опрятна.

Да кому какое дело до ее платья? Интерес представляло не платье, а то, что под ним, а мисс Хаттинг, похоже, является счастливой обладательницей пары весьма симпатичных...

Нет, герцог Харт не мог позволить своим мыслям течь в столь опасном направлении. Кимбал и Финч правы. Потребность жениться становится непреодолимой после того, как герцогу Харту исполнится тридцать лет. Наверное, этим неистовым желанием он тоже обязан своему незадачливому предку, вернее, его пассии, Изабелле Дорринг.

Но герцог Харт еще поборется за свою жизнь.

– Прошу вас, – сказал он, прочистив горло, – не извиняйтесь. Я сам виноват. Надо было сразу все объяснить. – Хотя он удивлялся, как могла мисс Хаттинг не признать его сразу. В Лавсбридже, откуда родом проклятие его семьи, герцог Харт должен быть известен каждому.

И, принимая во внимание факт, что дом старой девы опустел, здесь его должны были ждать.

– Когда вы были тут в последний раз, мне едва исполнилось четыре года, – с улыбкой произнесла Кэт. – Но я все еще помню вашу сверкающую черную карету, запряженную четверкой красивых гнедых коней.

Значит, сейчас ей двадцать четыре года – возраст, когда у женщины давно есть муж и дети. Похоже, у нее несносный характер.

– Боюсь, я ничего хорошего не могу сказать о той поездке. Я был весьма недоволен тем, что меня потащили сюда ради того, что было мне совершенно не понятно и что мне не нравилось. – Зачем он стал рассказывать ей о своих чувствах?

Взгляд ее стал теплее.

– Вероятно, тогда вы были еще совсем ребенком.

– Мне исполнилось десять лет.

– Как я и предполагала, – кивнула Кэт и, нахмурившись, добавила: – Ни к чему было в столь нежном возрасте обременять вас обязанностью выбирать очередную хозяйку дома старой девы. – Ни одна женщина прежде не смотрела на него

так, словно видела в нем десятилетнего мальчика. Под этим взглядом ему было не по себе.

Да и весь этот разговор вызывал в нем странные ощущения.

– Таков мой долг. Таков долг каждого герцога Харта.

– Но вы были ребенком! Пытаюсь представить на вашем месте своих братьев, одному из которых тринадцать лет, а другому пятнадцать, и не могу. Принятие столь серьезных решений им и сейчас не по силам.

– Ни один из них не является герцогом. – Какое высокомерие! Самому противно. Он поспешил скрасить неловкость улыбкой. – Все оказалось проще. Претендентка была одна, и собеседование проводил мой дядя. От меня требовалось лишь сидеть тихо и делать вид, будто я внемлю происходящему. – Кэт вдруг улыбнулась ему, и сердце его сделало кульбит.

Нет, это не сердце. Наверное, у него несварение желудка. Ожидавший его приезда повар превзошел самого себя, и стол ломился от яств. Все было вроде свежим, но кто знает? По возвращении в замок надо поинтересоваться у Нейта и Алекса, все ли у них в порядке с пищеварением.

«Нейт никогда не позволил бы мне прийти сюда одному, если бы знал, что у викария есть незамужняя красавица дочь».

– Для десятилетнего мальчика вы были на удивление ответственным человеком. Вы поймете, о чем я, когда позна-

комитесь с Генри и Уолтером, – произнесла Кэт, перед тем как постучать в дверь.

Как дочери викария объяснить, что проклятие, висящее над тобой как дамоклов меч, любого сделает сговорчивым. И ответственным тоже.

– Войдите, – послышалось из-за двери.

И они вошли. Мужчина с седеющими волосами в очках, вероятно, отец мисс Хаттинг, поднял голову. Двое юношей, сидевших напротив мистера Хаттинга за широким столом, заулыбались и вскочили с мест. Не вызвала сомнений их искренняя радости по поводу прерванного урока. Черты лица одного из них были еще по-детски округлыми, в то время как второй уже почти превратился во взрослого мужчину. Он был высок, но его угловатое худое тело еще не успело обрасти мышцами. Он самозабвенно рассматривал шейный платок Маркуса, словно желал запомнить узел, каким тот был завязан.

«Каково это, наблюдать, как взрослеет твой сын, как у тебя на глазах превращается из мальчика в мужчину?»

К чему задаваться вопросами, на которые все равно не будет ответа.

– Ваша светлость, позвольте представить моего отца и братьев. Генри, – услышав свое имя, старший из братьев вежливо поклонился, – и Уолтер. Папа, это герцог Харт.

Викарий улыбался, поднимаясь из-за стола.

– Спасибо, что приехали так быстро, ваша светлость.

Мисс Хаттинг резко втянула воздух и грозно прищурилась.

– Так ты ожидал герцога, папа?

Викарий принялся перебирать бумаги на столе, опустив голову.

– Вообще-то да, ожидал, – неохотно признался он.

– С чего бы? – подавшись вперед, не слишком любезно спросила у него дочь. На ум приходило сравнение с распушившей хвост кошкой.

Генри и Уолтер, ухмыляясь, толкали друг друга локтями, словно зрители на деревенской ярмарке.

Викарий, с опаской взглянув на дочь, посмотрел на гостя.

– Может, нам перенести разговор на другое время, Кэт?

С именем¹ ее отец попал в яблочко. Не зря она напомнила Маркусу рыжую кошку, жившую в поместье у дяди, когда он был ребенком. Ту кошку звали Афиной, и характер у нее был весьма воинственный. Она отличалась независимым нравом и поразительным бесстрашием. Все окрестные коты боялись ее как огня, хотя одного из них Афина все же подпустила к себе, поскольку котята у нее были. По крайней мере, один помет. Неизвестно, правда, выжил ли тот кот после совокупления или погиб смертью храбрых.

Маркус не хотел бы разделить судьбу несчастного кота, и, если уж кошка по имени Кэт подпустит его к себе, то он постарается не отдать концы раньше времени. А как роскош-

¹ От *англ.* «cat» – кошка.

но она бы смотрелась, раскинувшись поперек его кровати во всей своей ослепительной нагоде! И этот огонь в зеленых глазах...

Да поможет ему бог! Потому что ничем иным, кроме проклятия, нельзя объяснить столь неуместный ход его мыслей. Маркус быстрым взглядом окинул Кэт, вернее мисс Хаттинг. Зеленые глаза метали молнии. Но владела ею не страсть, а гнев. Зубы стиснуты, губы крепко сжаты, ноздри раздувались.

Генри и Уолтер смотрели на сестру с восторгом предвкушения. И нисколько этого не скрывали. Викарий, похоже, собирался с духом, готовясь принять удар стихии.

Кэт медленно выдохнула и растянула губы в улыбке:

– Прошу прощения, папа. Прошу меня извинить, ваша светлость. – Взгляд ее предвещал грозу, но губы... Такие волнующе нежные...

Нет в ее губах ничего особенного. Самые заурядные, ничем не примечательные. Кэт все так же натянуто улыбалась и молчала. У викария явно отлегло от сердца, но Генри и Уолтер не скрывали разочарования.

– Я на вас не в обиде, – произнес Маркус, – но, должен признаться, удивлен, что мое появление здесь стало для вас неожиданностью. Я по-прежнему обязан приезжать в Лавсбридж сразу после оповещения о появлении вакансии на заселение в дом старой девы.

– Что? – Мисс Хаттинг в изумлении уставилась на Мар-

куса. – Дом старой девы свободен? Как такое возможно? Что случилось с мисс Франклин? Буквально на днях встречалась с ней в библиотеке. Вид у нее был вполне бодрый, я бы даже сказала цветущий. Не может быть, чтобы она... – Кэт схватилась за лоб, словно у нее кружилась голова. – Ей не было и сорока. Я не помню, чтобы ей когда-нибудь нездоровилось, и вдруг ни с того ни с сего...

– Она не умерла, Кэт, – сказал викарий. – Она уехала с... мистером Уотлсом.

– Что?

Молодые люди хором присвистнули.

– Правда?

– Со старым учителем музыки?

– Ура! Никаких больше уроков музыки! – радостно пропел Уолтер и даже станцевал нечто вроде джиги. Викарий, глядя на сыновей, хмурился. – Ведите себя прилично, мальчики! И мистер Уотлс совсем не старик, Генри. Ему нет и сорока лет.

Идеальный возраст для женитьбы.

Хотя, если этот мистер Уотлс хочет иметь детей, в жены следовало бы взять женщину гораздо моложе.

– Сорок – это старость, – безапелляционно заявил Генри. – А в этих своих старомодных фраках и бриджах он выглядел совсем уж древним.

Викарий почесал нос.

– Должен признаться, я и сам не понимаю, почему мистер

Уотлс так странно одевался.

– Маму эта новость едва ли обрадует, – заметил Уолтер. – Мистер Уотлс должен был играть на пианино на свадьбе Мэри.

Викарий потер лоб, будто у него неожиданно случился приступ головной боли.

– Не обрадует, это точно. Но, надеюсь, мистер Лантли успеет вернуться в Лавсбридж к свадьбе вашей сестры и выручит нас. А на нет и суда нет, как говорится.

– Так и скажи маме, – не без злорадства произнес Генри. Похоже, он попал в десятку, потому что викарий как-то разом осунулся и ссутулился.

– Да, придется мне ей об этом сообщить.

– Ты до сих пор ничего не сказал маме, папа? – Мисс Хаттинг наморщила лоб. – Но если его светлость здесь, ты обо всем узнал еще вчера, если не позавчера!

Викарий потянул себя за воротник.

– Мистер Уилкинсон посчитал, что никому ничего не следует говорить, пока не приедет герцог Харт.

Мисс Хаттинг издала какой-то странный звук. Неужели хмыкнула? Или даже зарычала?

Викарий обратился к Маркусу:

– Полагаю, вы задаетесь вопросом о том, куда подевались мои манеры, ваша светлость. Я вам даже присесть не предложил, не говоря о том, чтобы перекусить с дороги. Если не возражаете, я...

– Нет-нет, ничего не нужно. – Пора бежать отсюда со всех ног, только так он сможет побороть непреодолимое влечение к мисс Хаттинг. – Я зашел к вам для того, чтобы вы рассказали мне, как найти контору мистера Уилкинсона. Указание, что он привел в письме, меня лишь запутало.

Мисс Хаттинг что-то пробурчала. Маркус посмотрел на нее и невольно вскинул брови.

– Если вы не разобрали почерк, ваша светлость, то письмо писала не Джейн, то есть не мисс Уилкинсон. Джейн ведет всю переписку за брата, ведь у того ужасный почерк, как вы сами обнаружили. И факт, что он сам решил написать письмо, свидетельствует о том, что он и от Джейн решил скрыть эту новость. С чего бы это, папа?

– Возможно, он просто не хотел поднимать шум раньше времени. Ты же знаешь сестер Болтвуд.

Ответ отца совсем не убедил Кэт. Но Маркус решил, что деревенские сплетни едва ли нанесут ему вред, если только они не окажут влияния на его семейное положение. Желая привлечь внимание к себе, он деликатно покашлял.

– Так вы можете объяснить мне, как пройти к мистеру Уилкинсу?

– Да, да, конечно, – рассеянно кивнул викарий. – Но наша деревня такая маленькая, что проще показать, чем рассказать. – Викарий улыбнулся. – Ты не покажешь его светлости дорогу, Кэт?

«Только не это! Неужели и викарий пытается напустить

на него свою дочь?»

Если так, то она не спешила воспользоваться шансом.

– Я должна отнести гостинцы миссис Баркер, папа.

Генри и Уолтер переглянулись и противно захихикали.

Кэт хмуро посмотрела на них.

– Какие еще гостинцы? Зачем?

– Те самые, что приготовила для нее мама, когда ты сказал ей, что бедную миссис Баркер скрутила подагра, – ответила

Кэт с нескрываемым сарказмом.

Братья пересмеивались, толкая друг друга локтями.

– Да прекратите вы! Ничего смешного нет!

Что бы ни имела в виду мисс Хаттинг, братья были с ней категорически не согласны. Их прямо-таки душил хохот.

– Уолтер может отнести гостинцы миссис Баркер, – решил викарий. – На сегодня уроки закончены.

Уолтер мгновенно перестал смеяться.

– А почему Генри не может отнести ей корзину?

– Хорошо. Генри, отнеси...

– Я не могу, папа. Я должен... убрать в своей комнате.

Уолтер ущипнул брата за руку:

– Не смей ничего там трогать, губошлеп! Это и моя комната тоже. Дождись, когда я уеду из дома, а потом делай что хочешь.

– Вот ты как! А я...

– Вы оба отнесете корзину миссис Баркер! – повысив голос, приказал викарий. – Или вы останетесь читать еще одну

главу Цицерона.

Братья притихли и мрачно уставились на него.

– Нет, пожалуй, две главы! – пригрозил викарий.

Генри и Уолтеру оставалось только смириться. Пожав плечами, они откланялись и поплелись к двери.

– Корзину с гостинцами заберете в кухне! – бросила им вслед мисс Хаттинг.

– Ну-с, – сказал викарий, дождавшись, когда за братьями закроется дверь. И вдруг, словно забыв, о чем хотел сказать, вытянул шею и пристально посмотрел на дочь. – Что с твоим платьем, Кэт? – Разумеется, этот вопрос не мог не привлечь внимания Маркуса к пятнам на платье, даже если он уже успел внимательно изучить бюст мисс Хаттинг. Гораздо внимательнее, чем следовало бы. Грудь ее, если уж начистоту, не отличалась объемом, но Маркус и не считал большую грудь особенно выдающимся достоинством женской фигуры. Он...

Хватит размышлять о размерах груди мисс Хаттинг. Давно пора отправляться к мистеру Уилкинсону.

Щеки Кэт предательски вспыхнули.

– Сибби! – Взглянув на Маркуса, она сочла необходимым пояснить: – Сибби – моя шестилетняя сестра. С акварелями Сибби приключилась неприятность, – добавила Кэт, обращаясь к отцу.

– Наверное, тут не обошлось без близнецов? – улыбнулся отец.

– Так оно и было, разумеется.

– А чернила?

– Я писала. Сибби меня вспугнула.

– Снова трудилась над той глупой книжкой?

– Ничего она не глупая, – решительно заявила Кэт, сдвинув брови. Викарий недовольно поджал губы, но распространяться на тему книги не стал. – И ты не стала переодеваться, перед тем как отправиться к Баркерам?

– Нет, не стала.

– Я-то понимаю, что из этого ничего не получится, – со вздохом промолвил отец, – но твоя мама все еще надеется.

– Пожалуйста, убеди ее оставить надежды.

Викарий достал носовой платок и вытер лоб, хотя в комнате не было слишком жарко.

– Да, насчет этого мы посмотрим.

– Я не выйду за мистера Баркера!

А, так вот что так забавляло мальчишек.

Мистер Хаттинг убрал платок в карман.

– Не надо повторяться. Свое отношение к браку с мистером Баркером ты выражала неоднократно, причем предельно ясно. Примите мои глубочайшие извинения, ваша светлость, – сказал викарий, обращаясь к Маркусу, – за то, что сделали вас невольным свидетелем наших семейных конфликтов. Даже не знаю, что вы теперь станете о нас думать.

Да уж, хотелось бы поскорее покинуть этот дом, где проблемы множатся с невиданной скоростью. А не то он отсюда

до ночи не уйдет. Лучше бы он пошел искать мистера Уилкинсона с завязанными глазами, тогда сейчас был бы уже на месте, а не торчал тут.

– Все это пустяки, – кивнул Маркус. – Так как мне найти мистера Уилкинсона?

– Ваша светлость, моя дочь с удовольствием проводит вас к нему. – Викарий буквально прожег дочь взглядом. – Не так ли, Кэт?

Маркус чувствовал себя диким зверем, на которого открылась охота. В роли охотника выступал викарий, в роли гончей – его дочь. Несмотря на то что викарий ничего общего не имел с мистером Ратбоуном, по крайней мере внешне, и тот и другой имели на руках незамужних дочерей перестарков.

Щеки мисс Хаттинг из розовых стали пунцовыми.

– Да, конечно. Простите, ваша светлость. Мы сейчас же выходим.

Викарий улыбнулся:

– Это недалеко, устать не успеете.

Мисс Хаттинг решительно направилась к двери, бросив на ходу:

– Лучше сразу расскажи маме о мисс Франклин, папа.

Пусть лучше она узнает об этом от тебя.

У викария стал затравленный вид.

– Да, пожалуй. Пойду, найду ее.

– Она все еще в классной комнате.

Мисс Хаттинг схватила плащ и набросила его на плечи. Маркус не успел помочь ей. Зато открыл перед ней дверь, пока она надевала шляпку.

– Сколько вас у родителей, мисс Хаттинг? – спросил Маркус, пропуская ее вперед.

– Десять.

– Десять?! – О боже! Не сказать, чтобы большие семьи были редкостью, просто ему не довелось жить в такой семье.

Даже в теории он не мог бы иметь такое количество единокровных родственников, разве что если бы оказался самым младшим отпрыском, а старшие были бы девочками.

Мисс Хаттинг быстро двинулась вперед, очевидно, вознамерившись как можно скорее выполнить навязанное ей отцом поручение.

– Да, десять. В доме нас живет всего восемь, а скоро будет семь. Тори и Рут моложе меня: одна на год, другая на два, и они уже замужем, а Мэри, еще одна младшая сестра, выходит замуж через две недели. – Мисс Хаттинг остановилась и оглянулась на Маркуса. – За помощника вашего управляющего мистера Теодора Данли.

– Неужели?

– Да вы даже не знаете, о ком я говорю, верно? – усмехнувшись, промолвила мисс Хаттинг.

Маркус задумался. В поместье он заметил какого-то худого юношу, маячившего за спиной у Эммета.

– Отчего же? Знаю, – уверенно ответил Маркус. – У него

редкие волосы и большой нос, не так ли? – Возможно, ему следовало бы проявить больше такта с учетом того, что этот Данли приходился женихом сестре его спутницы, но не его, Маркуса, вина, что жених походил на кол с хоботом.

Мисс Хаттинг покачала головой и ускорила шаг вверх по склону холма в сторону кладбища.

– Это был мистер Фелпс, сын сестры мистера Эммета. Он кучер, вернее, был бы им, если бы ваш экипаж хоть изредка выезжал из каретной. Тео выше и шире в плечах. И на лицо он гораздо приятнее. Вы непременно вскоре с ним встретитесь. Мистер Эммет без Тео как без рук. Уверена, вы понимаете, что мистер Эммет совсем не тот, что был двадцать лет назад. Годы, как говорится, свое берут.

Да, люди стареют. И управляющие не исключение. Тут ничего не поделаешь. Но, если начистоту, при виде сгорбленного старика, в которого превратился Эммет, у Маркуса защемило сердце.

– Однако рука у него, судя по почерку, по-прежнему крепка. Чего не скажешь о мистере Уилкинсоне.

Мисс Хаттинг посмотрела на него со смесью жалости и презрения.

– Вот уже несколько лет Тео ведет всю корреспонденцию Эммета. Да и вообще, поместьем давно управляет Тео. – Спohватившись, она добавила: – Разумеется, с ведома мистера Эммета и под его руководством. Для мужчины, которому перевалило за восемьдесят, мистер Эммет совсем неплохо

держится.

Господи, неужели Эммету уже стукнуло восемьдесят? Он совсем не выглядел стариком, когда Маркус видел его в последний раз. Двадцать лет назад.

– Да, – кивнул Маркус.

Мисс Хаттинг остановилась и произнесла:

– Вы ведь не станете отправлять мистера Эммета на покой из-за того, что я сказала? Вы не должны так с ним поступать. Он любит поместье и знает о нем буквально все. И ум у него ясный. Соображает быстрее, чем двигается. Вы бы тоже не бегали как мальчишка, будь у вас за плечами восемьдесят прожитых лет.

Неужели мисс Хаттинг действительно решила, что он сейчас помчится рассчитывать своего престарелого управляющего?

– Я с вами полностью согласен.

– Вы не можете прогнать его.

А кто она такая, чтобы указывать ему, что он может делать и чего нет? Он, в конце концов, герцог. И не просто герцог, а герцог Харт. И не потерпит подобного нарушения субординации. Следовало бы отчитать ее. И он бы непременно отчитал по всем статьям, если бы имел надежду на то, что сумеет ее усювестить. Скорее всего она выслушает его нотацию с той же презрительной усмешкой, а в конце еще и брезгливо фыркнет.

– Расскажите об остальных ваших братьях и сестрах.

Кэт угрюмо уставилась на него. Маркус приподнял брови и одарил ее взглядом, от которого становилось не по себе даже леди Данли. Но Кэт была крепким орешком. Она прищурилась, продолжая хмуро смотреть ему в лицо.

– Расскажите об остальных ваших братьях и сестрах, – попросил Маркус. Он не собирался продолжать тему Эммета и управления поместьем.

Кэт вытянула губы и резко подула себе на лоб.

– Как вам будет угодно. Следом за Мэри идет Генри – ему пятнадцать, затем Уолтер – ему тринадцать. С ними обоими вы уже успели познакомиться. А потом Пруденс – ей десять, Сибилла – ей шесть и наконец Томас с Майклом – они близнецы, и им по четыре года.

Маркус покосился на дом викария. Дом совсем не казался большим.

– Наверное, вам всем тут тесновато.

– Естественно.

Сейчас они уже шли по кладбищу. Кэт вновь остановилась, на сей раз у старой могильной плиты, которую не пощадило время. Похоже, до мистера Уилкинсона им сегодня не добраться. Она посмотрела на герцога так, словно хотела сообщить нечто важное. В широко посаженных зеленых глазах плясали золотые искорки, и ресницы у нее были удивительные: густые, цвета червонного золота...

Маркус опустил голову. Нет в этих ресницах ничего удивительного. И вообще, в этой мисс Хаттинг нет ничего осо-

бенного. Взгляд его скользнул по надписи на могильной плите. Господи! Маркус зажмурился и вновь открыл глаза. Нет, ему не почудилось. Он провел пальцами по стершимся буквам.

– В чем дело?

– На этой плите выгравировано имя Изабеллы Дорринг. Я всегда считал, что она утонула, и ее тело так никогда и не было найдено.

Маркус присел, чтобы лучше рассмотреть надпись.

«Покойся с миром. 1593–1617».

Значит, Изабелле Дорринг было двадцать четыре года, когда она умерла. Отчего-то он был уверен в том, что ей едва исполнилось семнадцать лет. Должна же взрослая, умудренная жизненным опытом женщина понимать, что не следует позволять мужчине вольности до той поры, пока он не надеет ей на палец обручальное кольцо. Алекс был прав, предположив, что она сама соблазнила третьего герцога, пытаясь женить его на себе.

Какими бы ни были ее мотивы, они не умаляют вины его предка. Едва ли Изабелла Дорринг затащила его в постель силой, визжащего и упирающегося. Он должен был или проявить твердость и противостоять соблазну, или держать ситуацию под контролем. А если и это оказалось ему не по силам, тогда следовало бы удостовериться в том, что его слабость не привела к непоправимым последствиям, прежде чем жениться на другой.

– Полагаю, что раз церковь была достроена на пожертвования отца Изабеллы, что и он же оплачивал издержки по поддержанию здания и территории вокруг в надлежащем порядке, – произнесла Кэт, искоса взглянув на Маркуса, – значит, герцог был скуповат... В общем, викария несложно было убедить в том, что Изабелла утонула случайно. Памятная табличка была бы уместнее, поскольку тело так и не нашли, однако семья захотела установить надгробную плиту.

– Семья? – Вот уж новость так новость. – Я думал, Изабелла была последней в роду.

– Нет. У отца Изабеллы была старшая сестра, которая была замужем за мужчиной из Уайтинг-Кросса, что находится в двадцати милях к югу.

– Вот как.

Изабелла была не так одинока, как он предполагал. Она могла обратиться за помощью к тетке. Хотя едва ли тетя приняла бы с распростертыми объятиями незамужнюю, но беременную племянницу.

– После смерти Изабеллы несколько ее двоюродных сестер и братьев переехали в Лавсбридж. В тот дом, где жила Изабелла, – дом старой девы, селиться никто не стал, конечно, тем более что она уже сделала распоряжения насчет своего имущества.

Маркус кивнул. Они оба понимали, что Маркус знал, о каких именно распоряжениях шла речь.

– И двоюродная сестра Изабеллы Дорринг приходится

прапрапрабабкой моей матери, – с улыбкой закончила мисс Хаттинг.

– Что? – У Маркуса закружилась голова, и возникло странное ощущение дежавю. – Ваша мать связана родством с Изабеллой Дорринг?

– Да, но не просите меня нарисовать генеалогическое древо моей семьи. В каждом поколении есть хотя бы одна Изабелла. Мы с матерью обе – Изабеллы, почему я и называюсь своим средним именем.

– Вот как? – А недоброй памяти третьего герцога звали Маркусом. Если бы Маркус был человеком суеверным, у него бы по спине пробежал холодок.

К счастью, суеверным он не был.

– Мяу.

Огромная, трехцветная, оранжево-бело-черная кошка появилась словно из ниоткуда. Наверное, все это время она пряталась за памятником на соседней могиле. Тщательно выбирая дорогу между стебельков осота, она направилась к мисс Хаттинг и, как-то нехорошо взглянув на герцога Харта, принялась тереться об ее ноги.

– Ваша приятельница?

Кэт наклонилась, чтобы погладить кошку.

– Поппи я нравлюсь больше, когда со мной нет близнецов, – пояснила она. – Кипучая энергия мальчишек ей не по нраву.

– Где она живет?

– В доме старой девы.

– Неужели? – Маркус присел на корточки возле Поппи, но та демонстративно не замечала его. – Странно, что мисс Франклин не забрала с собой такое красивое животное.

Поппи по-прежнему игнорировала герцога Харта.

– Кошка не принадлежит мисс Франклин. Она вообще никому не принадлежит.

– Пожалуй, так можно сказать о большинстве представительниц этого семейства, – усмехнулся Маркус.

– Да, однако у Поппи особенно независимый нрав. Поппи появилась в Лавсбридже год назад и осталась тут жить, но где она обитала раньше и как сюда попала – тайна.

Маркус продолжал сидеть на корточках с вытянутой рукой, и Поппи наконец решила вознаградить его за терпение своим вниманием. Она осторожно обнюхала его пальцы и, не учуяв ничего предосудительного, ткнулась головой под ладонь Маркуса. Он почесал кошку за ушами, и та замурлыкала.

Кэт удивленно вскинула брови:

– Обычно она мужчин не жалует!

– Тогда я могу считать себя настоящим везунчиком. Шутка ли – понравиться кошке, которая гуляет сама по себе!

Маркус смотрел на Поппи, но чувствовал взгляд Кэт. Только бы она не решила вновь заговорить об Эммете! Еще раз погладив кошку, Маркус распрямылся и обратился к Кэт:

– Давайте продолжим путь к офису мистера Уилкинсона.

Откровенно говоря, мне бы хотелось поскорее покончить с тем делом, что привело меня сюда.

– Ваша светлость, у меня к вам предложение.

Предложение? Вот так сюрприз! Хотя, наверное, ему следовало ожидать чего-либо подобного. Зачем выходить за презренного мистера Баркера, когда в сеть идет рыба крупнее?

Маркус вскинул руку. Смысла ходить вокруг да около не было.

– Мисс Хаттинг, я не намерен на вас жениться.

У нее округлились глаза и отвисла челюсть.

– Жениться на мне? – Кэт стиснула зубы и схватилась за надгробие Изабеллы Дорринг. Чтобы не упасть, наверное. Нет, чтобы занять руки. А то не ровен час, она могла бы захватить ему по лицу. – Жениться на мне? – повторила она с раздражением.

– Простите меня, – поклонился Маркус. Он предусмотрительно отступил на шаг, держась от мисс Хаттинг на безопасном расстоянии. – Я подумал...

– Вы подумали, что я хочу вас на себе женить! – возмущенно воскликнула Кэт.

– Очевидно, я заблуждался.

– Да как вы могли такое обо мне... – Кэт направила ему в грудь указующий перст. – Вы... – Она задыхалась, не находя слов. Маркус готов был поклясться, что видит, как колыхнется раскалившийся от ее гнева воздух.

Непроизвольно он отступил еще на шаг. Нет, Маркус не испугался. Мисс Хаттинг была высокой, но ниже его ростом, и потом, она была женщиной. Вне всяких сомнений, он, мужчина, справится с ней, не применяя силы. Если не считать силы соблазна. Да, Маркус вполне мог бы ее соблазнить...

Тьфу ты, не соблазнить, а подчинить своей воле. Он ведь это имел в виду, разве нет? Глаза ее метали в него молнии, но губы сложились в ту же натянутую улыбку, что Маркус видел недавно на ее лице в кабинете викария. Буря прошла стороной. А жаль.

Нет, не жаль! Маркус терпеть не мог сцен.

– Как ни странно, – сказала Кэт, – тема брака имеет непосредственное отношение к тому, что я хотела вам сказать.

– Неужели? – И что сейчас она затеяла?

– Да, именно так. – Кэт крепко оперлась ладонями о надгробие и посмотрела Маркусу в лицо. – Ваша светлость, я не только не имею ни малейшего желания выходить замуж за вас, я вообще не хочу выходить замуж за кого бы то ни было.

– Вероятно, в настоящий момент...

– Ни в настоящий момент, ни после. Никогда.

– Мне трудно в это поверить. – Маркус не встречал ни одной незамужней особы женского пола, которая бы не мечтала затащить к алтарю какого-нибудь бедолагу.

Кэт прищурилась:

– Уж поверьте мне. Я не желаю подчинять себя ни одному

мужчине...

Едва ли кто-то еще мог бы вложить в это последнее слово столько отвращения.

– Я не намерена прислуживать кому бы то ни было, являться к нему по первому зову, быть у него на побегушках, рожать ему детей каждый год, как моя мать.

Совершенно неподобающая случаю похоть распирала его... грудь.

– Я хочу сочинять романы! – гордо вскинув голову, заявила Кэт. – А муж и дети неизбежно помешают мне осуществить это.

Глупость. Красивая, темпераментная женщина желает обречь себя с пером и бумагой и уйти из мира реального в мир собственного воображения? Да она создана для страсти! В спальне ей не было бы равных. Речь, разумеется, не идет о его, Маркуса, спальне.

– Ваша светлость, я желаю стать новой хозяйкой дома старой девы. – Мисс Хаттинг кивком указала на надгробие. – Изабелла – моя прародительница, и жить в ее доме – мое законное право.

Маркусу хотелось ущипнуть себя за руку, чтобы проверить, не сон ли это. Как все странно, глупо и нелепо. И в то же время теперь вакансию можно считать закрытой, из чего вытекает, что, покончив со всеми формальностями, он уже сегодня к вечеру, самое позднее завтра, может убраться из Лавсбриджа на все четыре стороны.

Кто он такой, чтобы спорить с будущей величайшей романисткой Англии?

– Так тому и быть. Если вы наконец приведете меня к мистеру Уилкинсону, мы сможем оформить необходимые бумаги, и дом будет ваш.

Глава 4

15 апреля 1617 года. Я изучила привычки герцога, и теперь мне с завидной регулярностью удается «случайно» встречаться с ним во время прогулки. Всякий раз, когда вижу его, сердце мое выпрыгивает из груди и дыхание замирает.

Из дневника Изабеллы Дорринг

Герцог Харт позволит ей поселиться в доме старой девы! Мечта ее вот-вот осуществится. От радости Кэт чуть не пустилась в пляс.

– Хотелось бы знать, почему Рэндольф, ой, простите, мистер Уилкинсон, ничего никому не сказал о том, что дом опустел, да и с моего отца взял слово, что тот будет молчать, – промолвила она, приближаясь к калитке в кладбищенской ограде.

– Вы напрасно все драматизируете. Я понял вашего отца так, что мистер Уилкинсон лишь высказал пожелание о том, чтобы ваш отец не говорил об освободившейся вакансии. Мистер Уилкинсон – нотариус, а все они – скрытные. Это их профессиональная черта. Позвольте мне. – Герцог Харт отодвинул щеколду и открыл перед Кэт калитку.

– Могу вас заверить, что папа никогда не стал бы ничего скрывать от моей мамы просто так. Значит, на то есть вес-

кая причина. И еще странно, что Рэндольф не сказал Джейн. Она ведет его делопроизводство. Без нее Рэндольф вообще не смог бы работать.

– Вероятно, он сообщил ей, и она была занята как раз тогда, когда нужно было написать письмо.

– Наверное. – Чем таким могла быть занята Джейн? Она целыми днями только и делает, что работает на брата. Да, Джейн ходит в церковь каждое воскресенье и является членом комитета по подготовке ярмарки, но это все, на что у нее хватает времени. Кэт и их третья подружка Энн, дочь барона Давенпорта, частенько ее за это отчитывали. Но чем она, Кэт, лучше, если только тем и занималась, что прислуживала братьям и сестрам! Именно по этой причине перспектива стать хозяйкой дома старой девы представлялась ей столь заманчивой. Кэт шла, ускоряя шаг, по тенистой тропинке, ведущей прочь от кладбища, церкви и дома vicария к вожделенной свободе. Чем скорее они доберутся до конторы Рэндольфа, тем быстрее она получит заветный ключ от новой, независимой ни от кого жизни.

– Полагаю, мистеру Уилкинсону не помешало бы обустроить свою контору поближе к церкви. Место тут живописное – много зелени.

У него действительно приятный голос. Совсем не такой, как у гнусавого мистера Баркера с его противным лающим смехом. У герцога голос низкий и бархатный, такой музыкальный и... Кэт затруднилась сказать, что именно ей так

навилось в голосе герцога, но что-то в нем явно было особенное. Этот голос ласкал слух, даже когда Кэт совсем не нравилось то, что он говорил.

Глупости. Ведь его не голос заставляет Кэт плясать от радости, а обещание поселить ее в доме старой девы.

– Вы правы. Тогда мистеру Уилкинсону пришлось бы строить отдельное помещение для своей конторы или переезжать из своего дома в новый, а старый продавать. Но они с сестрой живут в доме, оставшемся им от родителей, и под контору приспособили одну из комнат. Так удобнее и ему, и Джейн.

Кэт шла впереди и, отвечая, лишь обернулась через плечо.

Представляю, как обрадуется за меня Джейн, когда я расскажу ей о том, что буду жить в доме старой девы!

– И все в нашей деревне знают, где он... Ой! – Кэт едва не вывихнула лодыжку, споткнувшись о корень. Она покачнулась, расставив руки, тщетно пытаясь сохранить равновесие, когда внезапно падение остановила крепкая мужская рука, которая, перехватив Кэт поперек талии, прижала спиной к надежной как скала и столь же твердой широкой мужской груди.

Кэт все никак не могла восстановить дыхание. Сердце учащенно билось... от удивления. От удивления, от чего еще!

От герцога Харта приятно пахло лимоном и мылом. И еще крахмалом и льном. Это уже от шейного платка. Кэт успела

повернуться к нему лицом и щекой прижималась к ворсистому шершавому лацкану его суконного сюртука. Плечи у него были определенно шире, чем у мистера Баркера, и грудь тоже. И еще ей пришлось запрокинуть голову, чтобы не упираться взглядом в его чисто выбритый подбородок и плотно сжатые губы.

В карих глазах герцога мелькнула тревога.

– С вами все в порядке, мисс Хаттинг? – озабоченно произнес он.

И еще в его взгляде была теплота. Теплота, переходящая в жар.

Кэт отпрянула, и герцог сразу отпустил ее.

– Да, со мной все в порядке. – Она слегка приподняла платье и покачала ногой. – Видите? Никаких повреждений.

Боже, он увидел ее лодыжку! Кэт разжала пальцы, словно юбка ее раскалилась добела. Она вела себя как развратная женщина!

– Я... сама виновата. – Внезапно ей стало трудно дышать. – Надо... было под ноги смотреть, тут повсюду корни торчат.

– Возьмите меня под руку.

Кэт попятилась.

– Нет, нет, в этом нет необходимости.

– Пожалуйста, я настаиваю. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы упали.

Кэт покосилась на его обтянутое синим сукном предпле-

чье. Было бы невежливо и даже неприлично отказываться от помощи. Нет, она в ней не нуждалась, но если опять оступится, то будет чувствовать себя глупо.

Герцог наклонился к ней и шепнул:

– Я не кусаюсь. – В его словах и в голосе чувствовался какой-то скрытый смысл. Таким же шепотом, должно быть, змей искушал Еву.

Нелепо! Кэт ведет себя как глупая деревенская гусыня.

– Мне и в голову не могло прийти, что вы кусаетесь, – сказала Кэт, и ее ладонь легла к нему на рукав. Рука его была тверда и крепка. И макушка ее едва доставала ему до плеча. Она чувствовала себя маленькой и хрупкой.

Но на самом деле Кэт отнюдь не была маленькой и хрупкой. Она была выше многих мужчин в Лавсбридже, включая собственного отца. Однако мистер Баркер был выше ее...

Кэт задумалась, снова подвернула ногу и повалилась на бок. К счастью для нее, герцог шел как раз с того боку. Впрочем, на сей раз она пришла в себя почти сразу.

– Простите! Могу вас уверить, что обычно я не такая неуклюжая.

Маркус положил ладонь поверх ее руки и сделал это так быстро, что Кэт не успела отреагировать и убрать руку.

– Тропинка изобилует коварными корнями, – произнес он, наверное, ей в утешение. Сам-то Маркус не спотыкался.

Непонятно, как его рука, лежавшая поверх ее руки, могла влиять на ее дыхательную систему, но дышала Кэт с трудом.

Она не знала, что такое паническая атака, но отчего-то подумала, что близка именно к этому состоянию.

– Мне не нужна ваша помощь. Я хожу тут постоянно и делаю это самостоятельно. – Кэт слышала себя словно со стороны и поражалась собственной грубости. Впрочем, герцог, кажется, нисколько не обиделся. Напротив, она, похоже, позабавила его. Он даже усмехнулся.

– Тогда примите мои извинения. Очевидно, это из-за меня вы спотыкаетесь.

Из-за него? Да за кого герцог Харт ее принимает? За навивную провинциалку, которая впервые осталась наедине с мужчиной и ужасно боится потерять девственность?

– Я не смотрела под ноги, только и всего. Больше этого не повторится.

Кэт нервничала, и нервничала она, как ни крути, из-за того, что рядом с ней находился герцог: такой могучий, сильный, мужественный. До того как они вышли за калитку церковной ограды, Кэт не испытывала беспокойства, но здесь, на этой узкой тенистой тропинке, вдали от чужих глаз...

Маркус ужаснулся бы, если бы прочитал ее мысли. Он бы со всех ног помчался обратно к церкви. Нет, он бы со всех ног помчался обратно в свой Лондон.

Вскоре Кэт сразу стало как-то легче. Настолько, что она нашла в себе силы улыбнуться. Скоро тропинка выведет их на главную улицу деревни, мощеную, без всяких древесных корней, торчащих из-под земли. И улица эта гораздо шире,

чем тропинка, по которой они идут сейчас рядом.

Кэт зашагала быстрее, опустив голову. Мысли сами собой вернулись туда, где им надлежало быть. В деловую плоскость.

– Как скоро я смогу переехать в дом?

Маркус с непринужденной легкостью догнал ее.

– Если бы это зависело только от меня, я бы ответил, что немедленно. Но придется поступить так, как сочтет нужным мистер Уилкинсон.

– У вас нет документа, в котором было бы все расписано?

– Нет, такого документа у меня нет, но зато он есть у мистера Уилкинсона. – У Маркуса испортилось настроение. – Я знаю лишь, что обязан лично присутствовать при отборе подходящей будущей хозяйки дома и поставить свою подпись под договором.

– И это входило в ваши обязанности и тогда, когда вам было десять лет?

Маркус кивнул.

С раннего детства Кэт знала историю о Проклятом герцоге. Эта сказка была ее любимой, и когда на глазах у четырехлетней Кэт карета с герцогским гербом проехала по главной улице, у нее от восторга перехватило дыхание. Изабелла, обманутая и брошенная бессердечным герцогом, приходилась ей родней, пусть и дальней. В сказках зло всегда должно быть наказано, и Изабелла хотя и посмертно, но сумела отомстить за себя. Кэт не могла не гордиться такой родственницей. Ей

не было жаль потомков Проклятого герцога, которым приходилось расплачиваться за грехи своего далекого предка. Впрочем, Кэт никогда и не видела в этих потомках живых людей: для нее они были персонажами сказки, не более. К тому же олицетворяющими абсолютное зло.

Но этот мужчина не был похож на персонаж из сказки. И ничего злобного Кэт в нем до сих пор не заметила.

– А если бы вы были младенцем? Тогда бы вас точно избавили от этой повинности. Ребенок не в состоянии подписать договор.

– Моему прапрадеду было три месяца от роду, когда освободилась вакансия в доме. Его вместе с кормилицей привез в Лавсбридж опекун, и на церемонии отбора кандидатур он присутствовал. Граф подписал документ за него, но подпись была подкреплена отпечатком ладони моего прапрадеда.

Глупые суеверия! Неужели взрослые мужчины верят в то, что нечто ужасное может произойти лишь потому, что они слово в слово не выполняют то, что им предписывает документ, составленный в незапамятные времена? Если бы она, Кэт, оказалась там...

– Вы упомянули кормилицу, но не сказали о матери младенца. Мать герцога не может быть настолько темной, чтобы не попытаться вразумить тех, кому страх затуманил ум!

– Не упомянул, поскольку матери там не было. – Маркус усмехнулся. – Материнская любовь герцогиням Харт не слишком свойственна.

Бедный мальчик! Кэт не отправила бы своего малютку неизвестно куда, неизвестно зачем в сопровождении лишь старого черствого опекуна и кормилицы, даже если никакого желания рожать детей у нее не было.

– Но ведь ваша мама находилась с вами, когда вы были ребенком? – Выходила ли из кареты женщина в тот день? Кэт не могла припомнить, что неудивительно, поскольку ее внимание было приковано к лошадям. Хотя, не совсем так. Теперь она вспомнила, что видела мальчика. Даже не одного мальчика, а двух, правда, заинтересовал Кэт только один из них: очень высокий, худой, с прямой напряженной спиной. Тогда он показался Кэт уж слишком серьезным и гордым, и ей было его даже немного жаль, невзирая на то что он приехал в нарядной карете, запряженной красивыми лошадьми. Значит, тот мальчик и был герцог?

– Нет, мать не приезжала сюда со мной, – произнес Маркус.

Кэт пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поддаться желанию погладить его по руке. Он явно не нуждался в ее сочувствии.

Младенец, путешествующий без матери, не может не вызывать сочувствия, но ведь эта поездка сотрется из его памяти. Другое дело, когда ребенку уже исполнилось десять лет: он все прекрасно запомнит.

– Она была больна, поэтому не поехала с вами?

– Мисс Хаттинг, мать оставила меня с тетей, старшей сест-

рой моего отца, вскоре после моего рождения. И с тех пор я ее не видел.

Отсутствующий взгляд и надменные интонации голоса не располагали к дальнейшему развитию темы. И все же Кэт попыталась пробиться сквозь оборонительные стены его высокомерия.

– Это ужасно, – тихо промолвила она.

– Нет. У меня было вполне счастливое детство в семье моего дяди. К тому же я рос не один, а с двоюродным братом. – Маркус остановился и посмотрел на Кэт. – Странно, что вы об этом не знаете. Неужели история о Проклятом герцоге больше не волнует местных жителей?

– У жителей Лавсбриджа есть более важные темы для обсуждения, чем подробности жизни лондонского высшего света вообще и вашей личной жизни в частности. Но ваши законодательные инициативы в палате лордов, наоборот, являются объектом самого пристального внимания. Вас готовы уважать уже за то, что вы посещаете заседания палаты, а не проводите время за игрой в карты и в погоне за прочими удовольствиями.

– Вы весьма откровенны, – усмехнулся Маркус.

– Могу себе позволить быть откровенной. Решив остаться старой девой, я могу позволить себе гораздо больше, чем те, кто стремится замуж. – Тропинка уперлась в дорогу, и необходимости идти с герцогом под руку больше не было. – Эта улица приведет вас прямо к дому Рэндольфа.

– Превосходно.

– Знаете, – задумчиво сказала Кэт, глядя вдаль, – я никогда не понимала, почему ваш предок согласился исполнить волю дочери простого купца.

– Надеюсь, он это сделал потому, что имел кое-какие понятия о чести. – Да неужели он принимает так близко к сердцу события двухсотлетней давности? Вероятно, таковы последствия проживания в доме, где предки смотрят на тебя со всех стен.

Пора бы уже перебраться из далекой древности в XIX век.

– Он ведь не брал Изабеллу силой, верно? – Хотя даже если он ее изнасиловал, это было так давно, что пора забыть и простить.

– Господи, разумеется, нет! – воскликнул герцог Харт, побледнев. – Во всяком случае, мне говорили, что они вступили в связь по взаимному согласию. Но тому, что герцог сделал мисс Дорринг ребенка, а потом женился на другой, все равно нет оправдания. Он разбил ей сердце.

Кэт усмехнулась. Да, насколько ей было известно, события разворачивались именно так.

– Вы не верите в то, что сердце можно разбить, мисс Хаттинг? – скептически поинтересовался герцог.

– Меня раздражает вся эта сентиментальная чушь. Изабелла – не единственная женщина, соблазненная богатым красавцем, и в отличие от многих у нее были деньги. Не настолько все было плохо, чтобы идти топиться с ребенком в

животе.

– Она была обеспечена!

– Она была эгоисткой. Бессовестной эгоисткой. – Разумеется, Кэт трудно было поставить себя на место обеспеченной женщины, поскольку на ее честь никто не покушался и едва ли покусится, раз уж она дала обещание не выходить замуж. Но Кэт надеялась, что если по злой прихоти судьбы она окажется в подобном положении, то уж найдет более разумный выход, чем Изабелла Дорринг.

– Но мне грешно жаловаться, – с улыбкой заключила Кэт, – поскольку благодаря Изабелле я получила то, о чем всегда мечтала – возможность жить одной. – Ей хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться: она не спит. Чем раньше герцог подпишет необходимые бумаги и даст ей ключи от дома старой девы, тем лучше.

– Вы не станете скучать по родне?

В голосе его звучала печаль или ей показалось?

– Нет. Вы сами заметили, что наш дом тесноват для такой большой семьи, и, смею уверить, «тесноват» – слишком мягкое слово. Мне приходится делить с сестрой Мэри кровать – вот до чего дошло.

– Представляю, как это неудобно.

В его голосе не было убежденности, но ведь он и понятия не имел о том, какая у нее жизнь. Он был герцогом.

– Ваша светлость, если бы даже у вас было десять детей, никому из них не пришлось бы делить с другим кровать. Да

что там кровать – комнату! И вы всегда могли бы закрыться у себя в кабинете, и никто не посмел бы вас там побеспокоить. – По правде говоря, и ее отец мог так же поступать. Мужчинам жить легче, чем женщинам. – Никто не мог бы вас найти, если бы вы этого не захотели. Я видела ваш замок. Он огромный. Но мне некуда спрятаться, негде даже уединиться за закрытой дверью. Представляете, каково мне приходится?

Маркус смотрел на нее во все глаза. Конечно, ничего подобного представить он не мог. Все равно что потребовать от слона, чтобы он вообразил себя мышью. Кэт пожалала плечами и продолжила:

– Дом старой девы находится через дорогу от нашего. Если мне вдруг захочется повидать родителей и братьев с сестрами, я всегда это сделаю.

Но это не означает, что они могут приходить к ней, когда им вздумается. Нет уж, она примет меры к тому, чтобы ее покой никто не посмел нарушать! Отчего это герцог смотрит на нее так, словно у нее выросли рога?

– В чем дело? – спросила Кэт.

– Мисс Хаттинг, вы не можете не знать, что я никогда не буду делить дом с десятью детьми. Скорее всего мне не придется делить свой дом даже с одним ребенком.

Святые угодники! Неужели у герцога Харта мужское бессилие? Но откуда ей было об этом знать? И почему он считает, что она должна быть в курсе его проблемы? Или... Но

это так странно...

– Вы хотите сказать... Но проклятие... Это ведь лишь легенда, верно?

– Нет. Это не просто легенда.

Кэт открыла от изумления рот.

Маркусу нравилась эта девушка, но от общения с ней у него кругом шла голова. Она вела себя необычно. Не просто не желала выходить замуж, но и позволяла себе возмутительные высказывания. Как могла она возлагать на Изабеллу вину за то, что с ней произошло?

Во всем виноват третий герцог Харт. Только он. В конце концов, женщины – слабый пол. Какой с них спрос?

Слабый? Глядя на мисс Хаттинг, этого не скажешь. Вероятно, как раз ей было бы по силам пережить беременность вне брака, хотя едва ли она имела хоть какое-то представление о том, насколько осложнилась бы ее жизнь.

И тут, подкравшись исподтишка, похоть схватила его в тиски. А знает ли мисс Хаттинг о том, что именно происходит между мужчиной и женщиной, до того как последняя обнаружит, что находится в интересном положении?

Ему бы хотелось показать ей все на личном примере.

Мисс Хаттинг была высокой, не ниже многих мужчин. Наверное, у нее длинные ноги. Лодыжки определенно изящные. Посмотреть бы на икры, что прилагаются к этим чудным лодыжкам, на бедра и...

Да что это с ним?! Похоже, он сходит с ума. Надо как мож-

но скорее уладить вопрос с этим чертовым домом и убираться из Лавсбриджа подобру-поздорову. Пока он не совершил какую-нибудь непоправимую глупость.

– Вы хотите сказать, что каждый из герцогов Харт умирал до рождения наследника?

– Да.

– Невероятно! В наше время даже малые дети знают, что проклятия существуют только в сказках!

Как Маркусу хотелось схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть. Или крепко прижать к себе? Как тогда, когда он не дал ей упасть на лесной тропинке. Она...

Да, похоже, он действительно сходит с ума!

– Смею заверить вас, мисс Хаттинг, что проклятие – вещь вполне реальная. Каждый из герцогов Харт, начиная с того самого, что столь дурно обошелся с мисс Дорринг, пал жертвой ее проклятия.

Кэт удивленно округлила глаза и, кажется, собралась что-то сказать, но лишь решительно тряхнула головой и пошла вперед.

– Этому должно найтись рациональное объяснение, – заявила Кэт. – Изабелла, уж поверьте мне, не была колдуньей. Впрочем, в колдовство я тоже не верю. – Нахмурившись, она повернулась к Маркусу. – Странно, что такой просвещенный джентльмен, как вы, верит в колдунов и проклятия.

Маркус тоже прибавил шагу. Скорее бы добраться до конторы этого Уилкинсона! Увы, живые изгороди здесь были

выше человеческого роста и такие густые, что за ними ничего не разглядишь.

– Мисс Хаттинг, я не знаю, кем была и кем не была ваша родственница, однако история моей семьи мне хорошо известна.

– Видимо, не так хорошо, как вам кажется.

Что бы она ни думала, Маркус слишком хорошо знал, какая судьба его ждет.

– Пять герцогов, включая моего отца, умерли до того, как родились их первенцы. Вы считаете это случайностью? Нет, мисс Хаттинг, над нами довлеет проклятие, хотим мы в это верить или нет. Именно по этой причине никто из нас не торопился с вступлением в брак. Как только герцогиня Харт зачнет во чреве, дни герцога на земле сочтены. Разве что судьба даст ему временное послабление, послав не сына, а дочь, что, к слову сказать, случилось всего лишь один раз за последние двести лет.

Где же эта чертова контора Уилкинсона?

Маркус ускорил шаг, не заботясь о том, выдержит ли Кэт заданный им темп. Она не отставала ни на шаг. Ясно, что долгие прогулки для нее – привычное дело.

Жаль только, что мисс Хаттинг отказалась взять его под руку.

Нет, не жаль. И даже весьма кстати. Чем скорее прервется их общение, тем лучше.

– Вы должны твердо сказать себе, что проклятие не имеет

к вам отношения. Забудьте обо всем, что с ним связано. – Кэт посмотрела на Маркуса и с улыбкой добавила: – Обо всем, кроме дома старой девы, в который я рассчитываю заселиться в ближайшее время. А что до всего прочего, то на правах кровной родственницы Изабеллы Дорринг я снимаю с вашей семьи прочие наложенные ею обязательства.

Если бы все было так просто!

– Единственное, что может избавить меня от проклятия, мисс Хаттинг, это брак по любви. – Маркус почувствовал, что краснеет.

– Шутите?

– К несчастью, нет, не шучу. Я говорю серьезно.

Кэт безуспешно попыталась спрятать усмешку.

– Ну, тогда ваши дела не так уж плохи, – насмешливо промолвила она. – Всего-то и нужно, что выбрать девицу себе по вкусу и влюбиться в нее. Думаю, не ошибусь, если замечу, что девиц, мечтающих стать объектом вашей любви, наберется не один десяток.

Не может быть, чтобы мисс Хаттинг была настолько наивна, чтобы не понимать очевидного!

– Если все они и мечтают о чем-либо, то не о моей любви, а о моем кошельке.

– Отчего-то я вам не верю. – Кэт хмыкнула, что было бы верхом неучтивости в Лондоне, но здесь, в деревенской глуши, у девиц были иные представления об этикете. – Вы давно в зеркало смотрели? Увидеть вас и не влюбиться не вся-

кой женщине по силам.

Но мисс Хаттинг, вероятно, относилась к особо стойкому меньшинству.

Нет, Маркус не мечтал о том, чтобы мисс Хаттинг про-
никлась к нему нежными чувствами. Хотя, если подумать...

«Весьма заманчивое предположение...»

Ничего заманчивого в нем нет. Маркус опустил голову,
лишь бы не смотреть на Кэт.

– До конторы мистера Уилкинсона еще далеко?

– Нет, он живет за углом.

Слава богу!

Маркус почти бежал, однако Кэт не отставала от него ни
на шаг.

– Вы могли бы послать за Рэндольфом и приняли бы его
у себя в замке в удобное для вас время. Любой герцог на
вашем месте поступил бы именно так, не правда ли? – Кэт
даже не запыхалась. – Хотя, – с усмешкой добавила она, –
я отдаю вам должное: не каждый выдерживает мой темп, а
вы справляетесь. Признаться, я боялась, что мне придется
плестись еле-еле, чтобы вас не хватил удар.

Как ей удастся сделать так, чтобы даже комплимент зву-
чал оскорбительно?

– Благодарю вас, мисс Хаттинг, но у себя в Лондоне я,
знаете ли, сутками на троне не сижу.

– У вас и трон есть?

Она настолько наивна или просто издевается?

– Разумеется, у меня нет трона. А к Уилкинсону я иду сам, потому что так распорядилась покойная мисс Дорринг. Похоже, она не могла отказать себе в удовольствии заставить герцогов плясать под свою дудку, пусть и с того света.

– Вы правы.

Между тем в живой изгороди наконец появился просвет, и Маркус увидел небольшой, но милый домик с белеными стенами и красной черепичной крышей.

– Надеюсь, Рэндольф примет нас прямо сейчас, – произнесла Кэт, взглянув на своего спутника. – Полагаю, он вас ждет?

– Да. По условиям завещания я должен явиться к мистеру Уилкинсону до истечения сорока восьми часов после получения уведомления об открытой вакансии на вселение в дом.

И как только формальности будут исполнены и мисс Хаттинг получит ключи от дома, Маркус сможет покинуть Лавсбридж надолго, если не навсегда. Вместе с Нейтом и Алексом поедет на север, в Озерный край. Никогда еще перспектива долгих прогулок по вересковым пустошам в компании друзей, а не назойливых незамужних особ брачного возраста не казалась Маркусу такой притягательной.

– И все же, я никак не могу взять в толк, почему Изабелла была уверена, что тот самый герцог и все последующие будут слово в слово выполнять ее требования, если она считала своего любовника отпетым негодяем?

– Дело в том, что в случае, если герцог не захочет испол-

нить ее волю, она приберегла еще одно проклятие. Если герцог опоздает, то он умрет.

– Умрет? То есть вот так прямо рухнет на землю замертво по истечении сорока восьми часов?

– Я верю, что все случилось бы примерно так, как вы описываете, если бы среди нас нашелся хотя бы один храбрец, решившийся проверить действенность проклятия. А если герцог женат и его жена ждет ребенка, то ребенок умрет в утробе матери.

– Ужасно, – вздохнула Кэт, в недоумении глядя на Маркуса, и, покачав головой, добавила: – Ужасно неправдоподобно.

Маркус и сам бы не поверил, если бы не являлся главным действующим лицом этого жалкого фарса.

– Жаль, что в вас так сильна потребность идти на поводу у нелепого суеверия, – сказала Кэт и вдруг улыбнулась, и зеленые глаза ее ярко блеснули. – Хотя я рада, что смогу получить от этого выгоду.

Маркус готов был взвыть от тоски. Как ему не хватало ее жизнелюбия и энтузиазма!

Как ему не хватало ее.

«Мисс Хаттинг так близко. Если я наклоню голову, то смогу провести губами по ее губам. Могу обнять ее и... О боги!»

Опомнившись, Маркус отшатнулся от нее. Чем скорее он уедет из Лавсбриджа и чем дальше окажется от мисс Хат-

тинг, тем лучше. Сегодня же он уладит все формальности, связанные с домом старой девы, и завтра ноги его не будет в этой деревне.

Маркус распахнул дверь, пропуская Кэт вперед, и она птичкой залетела в дом. Теперь до нее руками не дотянуться.

– Джейн! – радостно воскликнула Кэт. – Ты слышала последние новости?

Миловидная женщина, работавшая с документами, подняла голову.

– Нет, не слышала. – Переведя взгляд на Маркуса, она спросила: – Чем могу быть полезна, сэр?

– Да ты ничего не знаешь! – Все с тем же радостно-возбужденным выражением лица Кэт представила их друг другу. Маркус вежливо поклонился мисс Уилкинсон.

Та, улыбаясь, встала из-за стола.

– Приятно познакомиться, ваша светлость. Что привело вас к... – Оборвав себя на полуслове, мисс Уилкинсон, внезапно побледнев, перевела взгляд на Кэт.

Кэт сияла.

– Да, Джейн, это правда. Ты представляешь, мисс Франклин сбежала с мистером Уотлсом!

– С мистером Уотлсом? С учителем музыки?

– В Лавсбридже есть один мистер Уотлс, вернее был. О чем думала мисс Франклин, когда решила променять свою независимость на учителя музыки? Впрочем, мне это безразлично. Ее потеря – моя находка.

– Что ты имеешь в виду? – спросила мисс Уилкинсон.

– Я имею в виду то, что дом сейчас пуст, и я...

Дверь в смежную комнату широко распахнулась, и в комнату стремительно вошел, скорее даже не вошел, а впрыгнул джентльмен, представляющий собой мужскую версию мисс Уилкинсон.

– Кэт! Что ты тут делаешь?

– Видишь, кого я к тебе привела, Рэндольф? Самого герцога Харта!

Так почему же, черт побери, у этого типа сделался такой виноватый вид?

– Спасибо, Кэт. – Рэндольф украдкой и боязливо взглянул на сестру, прежде чем улыбнулся Маркусу.

– И я благодарю вас, ваша светлость, за то, что приехали без промедления.

– Не за что. – Как будто у Маркуса был выбор.

– Рэндольф! – довольно резко окликнула брата мисс Уилкинсон.

– После, Джейн. Сюда, пожалуйста, ваша светлость.

Мистер Уилкинсон жестом пригласил Маркуса проследовать за ним в комнату, из которой он только что вышел.

Мисс Уилкинсон метнулась к двери и заслонила собой проход.

– Рэндольф, почему ты сам написал герцогу, а не оставил эту работу мне, как всегда?

– Я же сказал, потом, Джейн. – Мистер Уилкинсон просу-

нул палец под шейный платок. – А теперь, пожалуйста, отойди в сторону. Ты мешаешь его светлости пройти.

Мисс Уилкинсон и бровью не повела.

– А я-то удивилась, увидев у тебя на столе документы на дом старой девы.

– Ты совала нос в мои документы? Что тебе вообще понадобилось у меня в кабинете?

– Я – твой секретарь, и совать нос в твои документы – моя работа. – Мисс Уилкинсон грозно прищурилась. – Почему ты не сообщил мне, что место освободилось, Рэндольф?

– Но оно не освободилось, Джейн. – Кэт наблюдала эту семейную сцену, покусывая нижнюю губу, но сейчас решила, что пора вступить в игру. – Точнее сказать, недолго пробудет свободным. Герцог Харт разрешил мне стать новой хозяйкой дома.

– Он не имеет на это прав, – процедила мисс Уилкинсон.

– Нет, имеет! – Щеки Кэт горели. – Разве я ошибаюсь, ваша светлость?

Маркус находился в трудном положении, но, к счастью для него, мисс Уилкинсон произнесла:

– Он не может самолично даровать тебе право хозяйничать в доме. Он обязан следовать правилам.

– Джейн, не сейчас. Пожалуйста, – сдавленно промычал мистер Уилкинсон, пытаясь ослабить узел кравата, словно тот его душил. – Вы не могли бы пройти ко мне в кабинет, ваша светлость?

– Да, конечно, но, по-моему, ваша сестра желает что-то сказать.

Настырная особа так или иначе заставит себя выслушать, и кто-кто, а ее брат давно должен был это понять. Так пусть уже говорит прямо сейчас – меньше времени потратится даром. К тому же если существует какое-то правило, не позволяющее ему передать дом во владение мисс Хаттинг, то он хотел бы знать, в чем оно заключается. В данном случае нарушение правил может иметь фатальные последствия. В буквальном смысле. Маркуса нисколько не прельщала перспектива свалиться замертво в этом чертовом доме на глазах у брата и сестры Уилкинсон.

– Благодарю вас, ваша светлость, – сказала мисс Уилкинсон и, пригвоздив брата взглядом к полу, продолжила: – Рэндольф, ты знаешь не хуже меня, что об открывшейся вакансии на заселение в дом следует оповещать всех жителей Лавсбриджа.

– Э... – Его выпирающее адамово яблоко ходило вверх-вниз по длинной шее. – Я думаю, это лишь формальность.

– Это не формальность, – безапелляционно заявила мисс Уилкинсон, – и если на место хозяйки дома будет претендовать не одна старая дева, а две или больше, шансы на получение места должны быть предоставлены каждой из соискательниц, и эти шансы должны быть равными.

– Но, Джейн, я – единственная убежденная противница брака в Лавсбридже, – произнесла Кэт срывающимся голо-

сом, словно и не слишком верила в твердость собственных убеждений.

– Нет, Кэт, не единственная, – возразила мисс Уилкинсон, – и Рэндольф прекрасно знает об этом. С чего бы еще ему понадобилось держать в секрете эту новость? – Ноздри у нее раздувались от гнева. – Он даже пытался отослать меня подольше с совершенно нелепым поручением, лишь бы меня дома не было сегодня. Но я почуяла неладное и отказалась идти у него на поводу.

– Вот как, – тихо промолвила Кэт, переводя взгляд с сестры на брата.

Лицо у мистера Уилкинсона сделалось пунцовым.

– Джейн, не глупи...

– Это я глуплю? Ты называешь глупой меня? Меня, которая ведет все твои дела и к тому же все домашнее хозяйство? Если бы ты знал, как мне это надоело! Я мечтаю жить одна! Я хочу поселиться в доме старой девы.

– Джейн, пожалуйста, прими к сведению...

– Нет, Рэндольф, это ты прими к сведению порядок, что черным по белому прописан в документе. В общем, делай так, как положено.

Мисс Уилкинсон стояла в дверях, скрестив руки на груди, и никуда отступать не собиралась. Вывод напрашивался сам собой: сегодня уладить формальности Маркус точно не успеет.

Глава 5

20 апреля 1617 года. Розалин считает, что я останусь у разбитого корыта и с разбитым сердцем, и Мария с ней согласна. Но я понимаю, что они мне завидуют. Я знаю, что герцог любит меня. Или скоро полюбит, если его мать не будет вмешиваться. К этой женщине я при всем желании не могу испытывать симпатии.

Из дневника Изабеллы Дорринг

– Прочитайте относящийся к делу параграф, Уилкинсон!

Попытка Уилкинсона провести переговоры с герцогом один на один закончилась сокрушительным провалом. В кабинете вместе с герцогом и самим Рэндольфом находились и обе женщины: Джейн и Кэт. Герцог сидел с кислой миной, и Рэндольф заметно нервничал.

Во всем, конечно, виновата Джейн. Какая муха ее укусила? Зачем ей дом старой девы?

– Нужный параграф находится на третьей странице, – сказала Джейн.

Рэндольф хмуро взглянул на сестру, поправил очки и принялся шелестеть страницами, отыскивая нужную. Кэт могла понять, как неприятно жить с Рэндольфом, однако Джейн никогда не жаловалась, даже когда Кэт и Энн, подтрунивая над подругой, спрашивали, не надоело ли ей целыми дня-

ми работать на брата. Джейн обычно была немногословной и робкой.

Но сейчас от робости не осталось и следа. Казалось, ей ничего не стоит голыми руками задушить Рэндольфа, вырвать сердце у него из груди и скормить его свиньям мистера Линдена.

– Да, вот, нашел. – Рэндольф прочистил горло. – Когда бы ни высвобождалось место хозяйки дома, об открывшейся вакансии необходимо известить жителей Лавсбриджа, чтобы каждая заинтересованная особа могла подать прошение на имя герцога Харта о том, чтобы ей позволили поселиться в доме и назначили соответствующее содержание. Если претендентка будет одна, герцог Харт может удовлетворить ее прошение немедленно. Однако если соискательниц окажется больше, то судьба места решается на общем собрании.

Герцог нервно заерзал на стуле.

– Случалось ли кому-то бороться за это место, Уилкинсон, или теперешний случай первый?

– Я внимательно просмотрел все документы, и могу с уверенностью сказать, что никогда еще данное место не пользовалось таким спросом.

– Все когда-нибудь происходит впервые, – философски заметила Джейн. – И сегодня именно такой случай.

Кэт стиснула зубы от злости. Джейн этот дом если и был нужен, то совсем не так сильно, как он нужен ей. Если Джейн и приходилось жить под одной крышей с братом, то у нее, по

крайней мере, была собственная комната и своя кровать. И если Рэндольф действовал сестре на нервы, то во многом она была сама виновата. Не надо быть такой услужливой. Может, если бы у Джейн все из рук валилось, Рэндольф нашел бы себе жену и ее заставлял работать. И что бы тогда делать его сестре?

Кэт мысленно отчитала себя за то, что думает не о том. Сейчас важнее, что будет, чем то, что могло бы быть, но так никогда и не случилось.

– Его светлость должен решить нашу судьбу, Рэндольф? – поинтересовалась Кэт.

– Подождите минутку, мисс Хаттинг, – вмешался, взмахнув рукой, герцог Харт. – Перед тем как ответить на поставленный мисс Хаттинг вопрос, прошу вас, Уилкинсон, рассказать мне, каким образом необходимо известить жителей деревни об открывшейся вакансии. Мне не хочется нарушать правила. Последствия могут быть... весьма вредными для моего здоровья.

Рэндольф вытер платком вспотевший лоб.

– Да, ваша светлость. Вы совершенно правы.

Да что это с ними! Рэндольф – нотариус, а нотариусы, как известно, оперируют фактами, а не сказками.

– Ты ведь не веришь в какое-то дурацкое проклятие, Рэндольф?

Тот бросил на Кэт затравленный взгляд.

– Я...

– Вне зависимости от того, является ли проклятие неоспоримым фактом или выдумкой, герцог обязан исполнять условия, прописанные в имеющем юридическую силу документе, – заявила Джейн. – И Рэндольф об этом прекрасно знает.

– Да, знаю, – хмуро согласился с сестрой мистер Уилкинсон. Поправив очки, он продолжил читать вслух: – Извещение заинтересованных сторон. Не позднее чем через семьдесят два часа после получения сведений об освободившейся вакансии герцог обязан расклеить листовки, извещающие всех заинтересованных лиц о том, что каждая из незамужних девиц, проживающих в Лавсбридже, имеет право претендовать на заселение в дом старой девы при подаче соответствующей заявки. Листовки должны быть расклеены в следующих местах: на дверях дома старой девы, на дверях гостиницы «Купидон», а также в самой гостинице, в церкви и в местах, наиболее посещаемых старыми девами деревни.

– Я обещаю заняться объявлениями в ближайшее время, ваша светлость, – добавил Рэндольф, закончив читать параграф.

– Отлично, – кивнул Маркус. – Теперь я припоминаю, что подписывал какие-то бумаги, перед тем как вместе с дядей и двоюродным братом отправился расклеивать объявления. – Признаться честно, я запомнил не то, как расклеивал объявления, – этим занимался дядя, а как гонялся за братом по лужайкам к неудовольствию своего родственника.

То есть делал именно то, что делали бы Генри с Уолтером, если бы обстоятельства вынудили их плясать под дудку Изабеллы Дорринг. Бедный мальчик не понимал, зачем его пригласили в Лавсбридж. Впрочем, бедный мальчик уже давно стал мужчиной, и жалеть его не следует. Вместо того чтобы его жалеть, надо подумать, как не упустить бесценную возможность вырваться из битком набитого дома, где тебя ни на минуту не оставляют в покое, на свободу и наконец начать писать книгу всей жизни.

– Как долго нам придется ждать заявок от желающих заселиться, Рэндольф? Насколько я понимаю, кроме Джейн и меня на дом никто не претендует. – Кэт перевела взгляд на подругу. – Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы составить нам конкуренцию, Джейн?

– Нет. Все замужем.

Герцог скептически усмехнулся:

– Так уж все, мисс Уилкинсон?

– Вероятно не все, ваша светлость, но прочие девицы, кто пока не замужем, мечтают вступить в брак.

– Так сколько нам ждать, Рэндольф?

Нотариус глубоко вздохнул и ответил:

– Трое суток после расклейки объявлений.

Целых три дня! А Кэт надеялась, что уже завтра переедет.

– А что будет после того, как истекут положенные трое суток? – поинтересовалась она.

– Да, Уилкинсон, что потом нужно делать? Помню, мой

дядя проводил собеседование с мисс Франклин. Оно не было длинным. Он задал ей пару вопросов. А может, они говорили о погоде. Я не прислушивался. В ваших документах что-нибудь написано о требованиях, предъявляемых к кандидатам на заселение? Помимо неприязненного отношения к браку, разумеется?

– Вроде нет, – Рэндольф скользил глазами по бумаге. – Нет. Здесь лишь сказано следующее: если кандидатур будет две и более, они должны собраться все вместе и герцог...

– Все вместе? Зачем? – недовольно промолвила Джейн. – Собеседование принято проводить с каждой соискательницей индивидуально.

Странное требование, с этим Кэт не могла не согласиться, но все преимущества были у нее, а не у ее подруги. Джейн было тесно с братом под одной крышей, однако ей мешал жить один брат, а Кэт вынуждена была делить кров с четырьмя братьями и тремя сестрами, включая Мэри, которая хоть и должна в ближайшее время покинуть отчий дом, все еще в нем проживает. К тому же Изабелла приходилась Кэт дальней родственницей. В общем, любой, кроме Джейн, поймет, что дом должен достаться именно ей.

– Откуда мне знать, зачем? – растерянно произнес Рэндольф. – Искать тут логику бессмысленно.

– А за неисполнение договорных обязательств виновному положено якобы проклятие. Где уж тут логика?

– Я бы убрал слово «якобы», мисс Хаттинг. – Герцог за-

барабанил пальцами по деревянному подлокотнику, демонстрируя нетерпение. – Очевидно, мисс Дорринг была не в себе, когда писала завещание. Мой предок дурно поступил с ней, и она по понятным причинам стремилась отомстить нашему семейству, заставляя совершать нелепые поступки. Я бы не удивился, если бы она потребовала от герцога Харта стоять на голове во время интервью.

Вот уж кто несправедливо пострадал, так это нынешний герцог Харт, который в отличие от своего негодяя предка производил весьма приятное впечатление. Утешало то, что страдать ему осталось недолго. Как только герцог выберет ее, Кэт, в качестве новой хозяйки дома, он будет волен делать то, что хочет. Вернется к себе в Лондон и заживет лучше прежнего.

– Что я должен выяснить во время собеседования? По каким критериям проводить отбор? В документе об этом что-нибудь сказано, Уилкинсон?

– Нет. Встреча с соискательницами, по сути, собеседованием не является, ваша светлость.

– Как не является? – разочарованно воскликнула Кэт. Невероятно! Рэндольф, наверное, что-то упустил.

– Тогда как герцог будет выбирать?

– Герцог никого не выбирает. Соискательницы тянут жребий.

– Жребий? – Значит, все решит слепая фортуна? Нет, это неправильно.

Джейн вскочила с места и, подбежав к брату, выхватила документ у него из рук.

– Я этого не видела, когда читала, – сказала она и прищурилась. Увы, буквы расплзались. – Черт, я оставила очки на столе.

– Дай мне, – промолвила Кэт и, взяв лист из рук подруги, быстро нашла то, что требовалось: – «Девушка, которая вытащит короткую соломинку, поселится в доме». – Кэт бросила документ на стол Рэндольфа, и он упал бы на пол, если бы мистер Уилкинсон с удивительным проворством не подхватил его. – Не могу поверить, что Изабелла предоставила столь важный вопрос воле жребия! Почему она так поступила?!

– Понятия не имею, мисс Хаттинг, – вздохнул Маркус. Теперь он тоже поднялся, поскольку стояли обе дамы. Маркус словно сделался еще выше и шире в плечах. Очевидно, все дело в размерах помещения: в кабинете Рэндольфа было тесновато. – Но я, признаться, испытываю огромное облегчение. Я не настолько храбр, чтобы делать выбор между вами и мисс Уилкинсон.

Джейн пропустила его слова мимо ушей.

– Ты уверена, что все правильно прочитала, Кэт?

– Да. Сложных фраз тут нет, а ты, если не веришь, сходи за очками и прочитай сама.

– Ладно, схожу, – кивнула Джейн и, быстро сбегав за очками, взяла со стола брата документ и погрузилась в чтение.

– Джейн, прошу тебя, ты ведешь себя...

Насупленный взгляд нотариуса не испугал сестру.

– Не учи меня жить, Рэндольф, на себя посмотри!

– Ваша светлость, я должен просить у вас прощения за мою сестру. Я...

– Не надо извиняться, Уилкинсон. Если не хотите, чтобы вам воткнули перочинный нож между лопаток.

– Что?

– Мисс Уилкинсон, кажется, хочет убить вас, – пояснил Маркус, кивнув в сторону Джейн. – Я бы на вашем месте не стал рисковать.

– Теперь вы понимаете, почему я хочу жить в доме старой девы, ваша светлость? – усмехнулась Джейн.

– Джейн, что подумает его светлость?

– Мне безразлично, что он думает, Рэндольф! – Она потрясла зажатым в руке документом. – Тем более что, судя по тому, что здесь написано, от него ничего не зависит. Я... – И тут Джейн наконец осознала, что ее занесло. Она зажала рот рукой и густо покраснела. – Пожалуйста, извините меня, ваша светлость, – произнесла Джейн, и, зло покосившись на брата, добавила: – Мне трудно себя контролировать, когда брат обращается со мной как с ребенком.

– Я вынужден обращаться с тобой как с ребенком, когда ты ведешь себя вот так, Джейн.

Неужели Рэндольфу действительно жить надоело? Кэт всегда считала его напыщенным занудой, но так отврати-

тельно при ней он себя никогда не вел.

У Джейн от гнева расширились зрачки и перехватило дыхание. Сейчас она, похоже, выскажет Рэндольфу все, что о нем думает! Но нет, пронесло: герцог ее опередил.

– Ваша сестра желает убедиться в том, что мы все делаем правильно. Мне вполне понятно ее стремление. Вы выяснили еще что-нибудь относительно процедуры отбора, мисс Уилкинсон?

– Нет, – густо покраснев, ответила Джейн. – Кэт все правильно прочитала. О чем думала Изабелла, предоставив столь важное решение случаю?

– Зачем она вообще затеяла эту историю с домом? – воскликнул Рэндольф. – Безбрачие для женщины – это ненормально. – Одернув жилет, он посмотрел на герцога. – Женщина нуждается в том, чтобы мужчина наставлял ее и воспитывал, верно, ваша светлость?

Джейн издала звук, напоминающий рычание. Какое у нее было при этом лицо, Кэт сказать не могла, потому что гнев красной пеленой застил ее глаза.

– Уилкинсон, – произнес Маркус, – боюсь, что в одной комнате с вами находятся сразу две женщины, готовые порезать ваши кишки на подвязки.

Маркус мерил шагами кабинет. Хорошо, что Нейта и Алекса в замке не было. Он мог бы запросто свернуть шею любому, кто попытался бы с ним сейчас заговорить.

Взгляд Маркуса упал на тяжелую чернильницу на широком столе. Нет, чернильница не подойдет. Слишком много грязи. Может, воспользоваться рыцарскими доспехами, что сторожили глобус? Если пнуть ногой эту гору железа, захочет так, что мало не покажется.

И, услышав шум, старый Эммет помчится сюда, чтобы проверить, что случилось. Нет уж, как ни хочется выпустить пар, придется держать себя в руках. Но как же это нелегко! По дороге в эту чертову деревню Маркус думал, что задержится здесь на пару часов, не более, а застрять пришлось на несколько дней. И ради чего? Уилкинсон мог организовать жеребьевку ничуть не хуже, чем он, Маркус.

Маркус сделал еще один круг и остановился перед парадным портретом мужчины в старомодном одеянии. Гофрированный широкий воротник создавал видимость того, что голова мужчины лежит на блюде. Парчовый камзол, нелепо выпирающий гульфик панталон, вышитые чулки и туфли на каблуках с большими черными помпонами выглядели смешно.

Мужчина на портрете был молод: лет на пять или шесть моложе Маркуса, лицо его украшала короткая бородка и усы. Маркусу был хорошо знаком этот типаж: в Лондоне полно юных аристократов, уверенных в том, что все прочие люди живут для того, чтобы доставлять удовольствие им, избранным.

Похоже, художник писал портрет здесь, в этом самом ка-

бинете. Портьеры и ковер были те же, но гораздо ярче, чем в жизни. Наверное, этот наглый тип приходится Маркусу предком.

Он подошел поближе, чтобы прочитать слова, выгравированные на маленькой бронзовой пластине, прикрепленной к раме. И вот что увидел:

«Маркус, третий герцог Харт.

Тот самый негодяй».

В лондонском доме не осталось ни одного портрета несчастного герцога. От них избавились уже давно, словно рассчитывая таким образом стереть позорное пятно с родословной Хартов. Как бы не так! Маркусу забыть о предке не удалось бы хоть с портретами, хоть без них. Об этом позаботилась его добрая матушка.

Родители Нейта рассказывали, что его отец перед самой своей кончиной распорядился, чтобы сыну дали имя третьего герцога. Зачем? Непонятно. Над ним и так уже тяготело проклятие, передающееся вместе с титулом. Маркус давно решил, что отец его тут ни при чем. Скорее всего имя ему дала мать. Такое у нее своеобразное чувство юмора.

Маркус пристально вглядывался в черты мужчины на портрете. Странно, но с портрета смотрел на него не злодей и не развратник. Вероятно, художник решил польстить заказчику, чтобы тот не скупился, расплачиваясь за работу.

– Вернулся, наконец! А мы, устав ждать, поехали кататься без тебя! – на одном дыхании выпалил Нейт. – Все в поряд-

ке? – нахмурившись, спросил он.

Алекс молча смотрел на хозяина замка.

– Возникли непредвиденные осложнения, – сквозь зубы процедил Маркус.

Алекс подошел вплотную к портрету и принялся разглядывать его:

– Маркус, а ты знаешь, что этот тип на портрете – копия ты? – Если бы не волосы на лице и этот дикий наряд...

Черт! Теперь и Маркус заметил поразительное сходство.

Алекс прочитал надпись на бронзовой табличке и присвистнул.

– Так это и есть тот самый предок, в честь которого тебя называли?

– Да. – Маркусу хотелось бежать из этого проклятого места без оглядки, но из-за Изабеллы Дорринг ему придется торчать тут еще несколько дней. Он подошел к буфету, налил себе большую порцию бренди и выпил. Бренди слегка обжег горло, но вскоре по телу разлилось приятное тепло.

– Кто-нибудь желает присоединиться? – спросил Маркус, подняв графин.

– Я не откажусь, – произнес Алекс и, напоследок окинув предка Маркуса оценивающим взглядом, повернулся к портрету спиной. – Не понимаю, как ты мог позволить этой истории с проклятием так портить себе жизнь!

Мисс Хаттинг тоже говорила нечто подобное. Она при этом смеялась, и ее рыжевато-золотистые волосы сверкали

на солнце, зеленые глаза блестели, и кожа у нее такая гладкая и нежная, и светится, как тончайший фарфор...

Нет. Графин дрогнул в руке Маркуса и жалобно звякнул, ударившись о бокал Алекса. Ему не следовало так возбуждаться. Признаться честно, то необычайно радостное волнение, что испытывал Маркус, вспоминая о мисс Хаттинг, было чрезвычайно неуместно в данных обстоятельствах. Ему вообще не следовало бы ничего к ней испытывать. Эта женщина не имела желания выходить замуж.

А он не испытывал желания умирать.

– Полагаю, то, что проклятие существует, доказано историей моей семьи, – заявил Маркус, передавая Алексу бокал с бренди.

– Пять смертей ничего не доказывают. Печальный факт, однако, возможно, простое совпадение. Или, что тоже допустимо, случается то, во что веришь, потому что своим поведением создаешь предпосылки для того, чтобы случилось то, что, как тебе кажется, должно случиться. А ты так не думаешь, Нейт?

– Нет, – хмуро буркнул тот, принимая из рук Маркуса бокал с бренди. – За последние двести лет не было ни одного герцога Харта, который не умер бы скоропостижно до того, как жена родит наследника титула. О случайности говорить не приходится. При этом верить в проклятие необязательно. Помнишь, в Лондоне Маркус рассказывал о том, что его отец не верил в проклятие. Не верил, а все равно умер. – Нейт

мрачно смотрел в бокал. – Моя мать потеряла отца и брата из-за этого проклятия. Она заставила меня дать обещание, что я буду опекать Маркуса, насколько это в моих силах.

– Нейт, ты мне не сиделка! – раздраженно напомнил Маркус. – И не опекун.

– Кто-то должен следить за тем, чтобы ты не затаскивал женщин в кусты!

– Мисс Ратбоун я никуда не тащил. Если на то пошло, это она затащила меня в кусты.

– Хватит вам пререкаться! Вы оба ведете себя как малые дети! – сказал Алекс. Маркус с трудом взял себя в руки. Прежде он не замечал за собой подобных всплесков эмоций.

«Черт, неужели это проклятие подает сигнал? Оно исподволь действует, подводя меня к роковой черте...»

– Мы росли вместе, – промолвил Нейт. – Я считаю Маркуса братом.

«Но братья не должны мешать друг другу жить своей жизнью, какой бы короткой она ни была».

– Понимаю, – кивнул Алекс. – В любом случае даже если предположить существование некоего проклятия...

– Оно существует!

Алекс в недоумении покачал головой, но спорить с Нейтом не стал.

– Ты говорил, что снять проклятие можно, женившись по любви, – напомнил он Маркусу.

– Да, говорил, – ответил тот с нескрываемым сарказмом.

Каковы шансы встретить на светском рауте девушку из общества, которую он мог бы полюбить всем сердцем? С большой вероятностью он встретит там единорога.

– Так вот, – продолжил Алекс, – найди... Право, это самый неудобный стул, на котором мне приходилось сидеть.

Маркус засмеялся. Степень комфорта замковой мебели – тема более приятная, чем дела сердечные.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Готов поспорить, что эти стулья выбирал мой тот самый недоброй памяти предок.

– Скорее его матушка, – заметил Нейт, сидевший на столь же неудобном предмете мебели. – Семейное предание называет эту женщину исчадием ада. Она всех держала в кулаке, а что касается убранства замка, то ее больше заботило производимое впечатление, чем удобство пользования.

– И ни одна из последующих герцогинь не сочла нужным сменить обстановку? – спросил Алекс и в изумлении обвел взглядом кабинет. Я, конечно, не специалист, но, по-моему, здесь нет ни одного предмета интерьера моложе двухсот лет.

– Пожалуй, ты прав, – кивнул Маркус. Кабинет производил тягостное впечатление, но не настолько тягостное, как сразу по приезде Маркуса в замок. Пока он находился в деревне Эммет (или Данли?), целая армия горничных боролась с паутиной, пылью и прочими напастями. – С того времени, как Изабелла Дорринг прокляла третьего герцога Харта, ни один из нас тут постоянно не жил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.